

I.

ГАМЛЕТЪ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢНЕНІЕ КЪ УСЛОВІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ
СЦЕНЫ

Алексѣя Месковского.

Съ предисловіемъ и характеристикою героя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издавіе Авг. Дейбнера, Невскій пр., № 28.
1889.

Цѣна 40 коп.

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА ДЛЯ СЦЕНЫ И ЧТЕНІЯ.

I.

ГАМЛЕТЪ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢНЕНІЕ КЪ УСЛОВІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ
СЦЕНЫ

Алексея Месковского.

Съ предисловіемъ и характеристикой героя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Авг. Дейбнера, Невскій пр., № 28.

1889.

С.-Петербургъ, Январь, 1889 года.

Произведение словесности въ драматической формѣ должно отвѣчать сценическимъ условіямъ, ибо, если-бы писатели не имѣли понятія о сценѣ, то драматическая литература была-бы немыслима. Въ древнія времена, до существованія понятія о театральныхъ подмосткахъ, не было и не могло быть драматической поэзіи, а поэты ограничивались эпическими и лирическими произведеніями.

Въ каждую эпоху драматическіе писатели имѣли въ виду сценическія условія своего времени; если же впослѣдствіи поэты придавали иногда своимъ поэмамъ драматическую форму, при чемъ упускали изъ виду означенныя условія, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что собственно драма не должна имъ подчиняться. Къ чему Шекспиру было драматизировать, какъ историческія, такъ и вымышленныя событія, если-бы онъ не имѣлъ въ виду «die Bretter, die die Welt bedeuten»? И мы знаемъ, что при современныхъ ему патріархальныхъ условіяхъ сцены, его произведенія вполне имъ отвѣчали. Съ тѣхъ поръ условія сцены значительно пзмѣнились. Передъ нами не только подмостки, но и декорации и пр. Намъ недостаточно надписей, указывающихъ на то, что дѣйствіе происходитъ въ такомъ-то мѣстѣ, но мы желаемъ видѣть и самое мѣсто. Въ настоящее время мы требуемъ отъ театра, чтобы онъ не полагался на наше воображеніе, а вполне пред-

Дозволено Цензурою Сиб. 7 Января 1889 г.

Тип. Р. Голякк, Троицкая ул., 18—20.

ставлялъ-бы намъ зрѣлище, какое имѣеть въ виду изобразить намъ авторъ драматическаго произведенія.

Въ состояніи-ли нынѣшняя сцена представить намъ трагедіи Шекспира въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имъ созданъ? Если быть педантомъ, то можно дать на это утвердительный отвѣтъ, такъ какъ при нынѣшнихъ техническихъ усовершенствованіяхъ, чего-чего только на сценѣ представить ни возможно!

Итакъ, нужно поневолѣ согласиться съ тѣмъ, что есть полная возможность ставить на современной сценѣ трагедіи Шекспира въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имъ созданъ. Но *слѣдуетъ-ли*, на самомъ дѣлѣ, такъ поступать, это другой вопросъ. Если, при постановкѣ ихъ, мы будемъ брать примѣръ съ того, какъ ставятся такъ называемыя *фееріи*, гдѣ чуть-ли не каждыя пять минутъ мѣняются декорации, то мы, быть можетъ, и достигнемъ именно тѣхъ мимолетныхъ эффектовъ, какіе производятся такого рода твореніями. Если-же принять во вниманіе, что Шекспиръ, при существованіи въ его время подмостковъ безъ декораций (или-же съ одною только декорациею) вовсе не имѣлъ въ виду подобныхъ эффектовъ, а вѣчто другое, то мы, само собою, придемъ къ заключенію, что означеннымъ образомъ ставить трагедіи Шекспира рѣшительно не слѣдуетъ.

Такъ какъ, не смотря на измѣнившіяся сценическія условія, трагедіи Шекспира не умираютъ, то и приходится въ настоящее время при-мѣнять эти произведенія къ современной сценѣ, каковой трудъ беретъ на себя обыкновенно режиссеръ, который, вооружившись карандашомъ,

отмѣчаетъ тѣ мѣста, какія, по его мнѣнію, слѣдуетъ выпнуть и соединяетъ нѣсколько сценъ въ одну — во избѣжаніе частыхъ перемѣнъ декораций, при чемъ принимаются во вниманіе различныя соображенія. Неудивительно поэтому, что намъ приходится видѣть исполненіе однихъ и тѣхъ-же трагедій во всевозможныхъ видахъ, а чаще всего онѣ появляются въ весьма искаженномъ видѣ. Изъ трагедіи «Гамлета», дабы спектакль съ антрактами не затянулся за полночь, выкидываютъ чуть-ли не добрую половину, и если-бы большинству зрителей содержаніе ея не было заранѣе извѣстно, то оно показалось-бы намъ вполне непонятнымъ.

При переводѣ этой трагедіи, мы преслѣдовали слѣдующую цѣль. Мы желали дать русскому театру это произведеніе въ формѣ, вполне отвѣчающей условіямъ современной сцены. По сіе время принято считать болѣе всего подходящимъ русскимъ переводомъ «Гамлета» *для сцены* — переводъ Н. А. Полевого. Къ сожалѣнію это не переводъ, а вопліи произвольная передача Шекспира на русскій языкъ, при чемъ условія современной сцены приняты во вниманіе не настолько, чтобы режиссеръ не осмѣлился прибѣгнуть къ своему карандашу. По этому одному можно уже судить о результатахъ искаженія безъ того уже искаженной драмы.

Мы передаемъ «Гамлета», быть можетъ, въ неменѣе сокращенномъ видѣ, но мы не обходимъ подобно Полевому и другимъ переводчикамъ массы кажущихся на первый взглядъ непреодолимыми трудностей и не лишаемъ такимъ образомъ это произведеніе въ копій множества красотъ, которыми блещетъ оригиналъ. Правда, отсутствіе

ихъ, къ своей передачѣ, Полевой старается иногда испустить красотами собственнаго издѣлія, но не лучше-ли было-бы, если-бы онъ оставилъ ихъ себѣ для собственнаго употребленія, а за Шекспиромъ оставилъ-бы ему принадлежавшее, тѣмъ болѣе, что трагедія отъ этого на современной сценѣ нисколько не пострадала-бы, а напротивъ значительно выиграла-бы.

Въ видахъ примѣненія «Гамлета» къ условіямъ современной сцены, намъ пришлось, во-первыхъ, выкинуть нѣсколько вполнѣ несущественныхъ для уясненія трагедіи сценъ, несущественныхъ потому, что о содержаніи ихъ ясно упоминается во время дальнѣйшаго хода дѣйствія, или-же это содержаніе не имѣетъ для него значенія. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мы сочли необходимымъ переставитъ частицы отдѣльныхъ сценъ, дабы соединитъ ихъ въ одну, при чемъ привуждены были допустить кой-какія несущественныя измѣненія. Въ-третьихъ — во избѣжаніе затягиванія хода дѣйствія мы повидимому сократили нѣкоторые монологи и діалоги, хотя все сокращеніе въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что мы пользовались менѣе цѣлѣстными и, вслѣдствіе этого, болѣе простыми и удобопонятнымъ слогомъ (т. е. не въ сравненіи съ слогомъ подлинника, который, при всей цѣлѣстности своей, въ сущности, довольно простъ, а въ сравненіи съ подстрочною передачею его на русскій языкъ, которая, сама по себѣ, является крайне неудобоваримою).

Затѣмъ мы пользовались вмѣсто пятистопнаго — четырехстопнымъ ямбическимъ размѣромъ, за что намъ скажутъ спасибо актеры. Хорошій переводъ долженъ казаться читателю оригиналь-

нымъ произведеніемъ, а потому переводящій долженъ всегда *первымъ деломъ* принимать въ соображеніе свойства и особенности того языка, на который онъ переводитъ, и не жертвовать ими въ угоду языку подлинника. Въ преимуществахъ въ этомъ случаѣ четырехстопнаго ямба для русскаго языка легко убѣдиться: онъ, во всякомъ случаѣ, въ драматическихъ произведеніяхъ *менѣе* похожъ на рубленую прозу, чѣмъ бѣлые стихи пятистопнаго ямбическаго размѣра, котораго придерживаются, согласно традиціямъ, многіе драматурги и который подходитъ скорѣе къ произведеніямъ поэзіи эпическаго характера, если въ последнемъ случаѣ имѣть основанія отдать предпочтеніе гекзаметру. Мы такъ и поступили при передачѣ поэмы о «Пиррѣ и Гекубѣ» во второмъ актѣ, воспользовавшись для нея упомянутымъ пятистопнымъ размѣромъ. Комедія въ трагедіи третьяго акта передана нами alexandrinскими стихами *не въ строимъ смыслъ*, такъ какъ цезура въ нихъ не всегда соблюдена въ срединѣ строки. Мы не задумались воспользоваться этимъ размѣромъ потому, что означенная сцена не настолько длинна, чтобы alexandrinскій стихъ въ состояніи былъ утомитъ слухъ зрителя; къ тому-же она иногда прерывается замѣчаніями дѣйствующихъ лицъ трагедіи. Здѣсь этотъ размѣръ, во всякомъ случаѣ, оказывается весьма кстати, такъ какъ, благодаря ему, напыщенный характеръ представляемой комедіи явственно отдѣляется отъ самой трагедіи, и одно относится къ другому, какъ напр. театръ — къ жизни. Что касается до пьесъ лирическаго характера, то здѣсь въ большинствѣ случаевъ мы въ точности придерживались размѣра подлинника, такъ какъ

только такимъ способомъ признали возможнымъ дать копію ихъ похожую на оригиналъ.

Что-же касается характера нашего слога, то слѣдующее общее замѣчаніе выяснитъ взглядъ нашъ на эту весьма существенную статью каждаго произведенія изящной словесности.

Въ какую-бы эпоху дѣйствіе фабулы литературнаго произведенія ни происходило, писатель всегда долженъ имѣть въ виду степень развитія языка своего времени, при чемъ, разумѣется, ему слѣдуетъ избѣгать тѣхъ выраженій, которые слишкомъ явно не соответствуютъ духу времени изображаемаго событія. Пушкинъ прекрасно понималъ эту задачу, а потому языкъ его еще долго будетъ служить намъ образцомъ изящнаго литературнаго слога: онъ никогда не впадалъ въ крайность и не поддавался подлѣ языкъ какой-либо изображаемой имъ эпохи, потому-что зналъ, что подлѣлка, хотя-бы на основаніи дошедшихъ до насъ документальныхъ данныхъ, всегда остается подлѣкою, и не нужно быть непремѣнно знаткомъ, чтобы отличить подлѣльное отъ настоящаго. Если-же брать примѣръ съ нѣкоторыхъ писателей, затрачивающихъ свой несомнѣнный талантъ на подобныя подлѣлки и поставитъ закономъ словесности, гласящимъ, напр., что дѣйствующія лица литературнаго произведенія должны говорить именно тѣмъ языкомъ, какимъ они, на самомъ дѣлѣ, изъяснялись въ свое время, то — не говоря уже о неестественности подобнаго языка для нашего слуха — остается лишь удивляться тому, какимъ образомъ, напр., Шекспиръ могъ написать «Гамлета» по-англійски, тогда какъ дѣйствіе въ этой драмѣ происходитъ въ Даніи и въ такое время, когда въ ней пѣ-

яснялись несомнѣнно какимъ-нибудь стариннымъ скандинавскимъ нарѣчіемъ? стоитъ-ли тогда вообще переводить такую пьесу?..

Вотъ до какихъ абсурдовъ можно дойти, если поддаться вліянію водворившейся у насъ съ нѣкоторыхъ поръ псевдореальной, сирѣчь — натуральной школы (а отъ нея недалеко до цинической, а затѣмъ — порнографической), требующей отъ произведенія искусства, чтобы оно являлось во всѣхъ отношеніяхъ снимкомъ съ дѣйствительности, и забывающей, что искусство потому-то и есть искусство, что оно не ремесло, и что, хотя оно, быть можетъ, въ своихъ областяхъ и не знаетъ предѣловъ, но и условія, которымъ оно должно подчиняться, по меньшей мѣрѣ, одинаково безпредѣльны.

Вообще относительно русскаго литературнаго слога необходимо замѣтить, что писателю вовсе не слѣдуетъ быть ярымъ прогрессистомъ и увлекаться петербургскими галлицизмами и германизмами; онъ можетъ прибѣгать къ нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они уже вошли въ плоть и кровь языка. Но при этомъ вовсе нѣтъ надобности быть крайнимъ консерваторомъ и ставить себѣ въ образецъ языка такъ называемое московское нарѣчіе, не допускающее очень часто такихъ выраженій и оборотовъ, которые уже получили полное право гражданства, а между тѣмъ стремящееся нерѣдко вновь вводить слова и формы, которыя давно пора бросить вытряхавъ изъ архива. Во всемъ всегда разумѣе держать золотой середины, потому-что, если и въ этомъ случаѣ приходится заблуждаться, то навѣрно ужъ не въ той мѣрѣ, какъ ежели впадаешь въ крайности.

Имѣя въ виду, при переводѣ «Гамлета», всѣ эти соображенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно стремились къ точной передачѣ смысла и тона рѣчей подлинника. Главное затрудненіе въ этомъ случаѣ заключалось въ удачной передачѣ игры словъ. Насколько намъ удалось преодолѣть эти трудности, предоставляемъ судить читателю. Скажемъ только, что, не смотря на кажущуюся невозможность передачи ея съ англійскаго языка на русскій, — мы такъ или иначе ея достигли, уклонившись, само собою, отъ буквального перевода и ограничившись передачею самой сути. Такъ напр. у Шекспира въ первомъ актѣ королева, упрасывая Гамлета помилиться со смертью отца его, говоритъ ему:

Thou know'st 'tis common; all that lives
must die,

Passing through nature to eternity.

На это Гамлетъ замѣчаетъ:

Ay, madam, it is common.

Полевой передаетъ такъ:

Королева. Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирать.

Гамлетъ. Да, королева, всѣмъ живущимъ умирать.

Таковъ нашъ жребій!

Не касаясь невозможнаго слога этого перевода, спросимъ: гдѣ же тутъ иронія Гамлета, выраженная словами «it is common»? Последнія означаютъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ королева: «это общее достояніе» (т. е. смерть). Гамлетъ же повторяетъ эти слова, тѣмъ, разумѣется, и подчеркиваетъ ихъ, и у него они выходятъ въ смыслѣ «это низко» или «недостойно». Королева-же, не смотря на то, продолжаетъ рѣчь

свою, предполагая, что Гамлетъ вполне съ ней согласенъ. Дабы передать игру словъ, мы воспользовались словомъ «противно», имѣющимъ два значенія:

1) Королева. ... не помилиться съ этимъ было-бы *противно* воли Провидѣнія.

2) Гамлетъ. Да, государыня, *противно*!

У Шекспира встрѣчаются иногда выраженія, которые настолько устарѣли, что даже природному англичанину они являются непонятными. Поэтому уясненіемъ ихъ мы были во многихъ случаяхъ обязаны замѣчательному нѣмецкому переводу А. В. Шлегеля. Не смотря на то, мы принуждены замѣтить, что и въ этомъ превосходномъ переводѣ и такъ называемомъ второмъ подлинникѣ Шекспира встрѣчаются неясныя мѣста, совпадающія съ частичною всей массы неясностей извѣстныхъ намъ русскихъ переводовъ. Просматривая послѣдніе, намъ нетрудно было подмѣтить, которые изъ нихъ явно переведены съ нѣмецкаго языка безъ всякаго знакомства съ англійскимъ подлинникомъ, чему впрочемъ мы не придаемъ особеннаго значенія, такъ какъ можно было-бы вполне удовлетвориться русскимъ переводомъ Шекспира, приближающимся къ существующему на нѣмецкомъ языкѣ, если не имѣть при этомъ въ виду условій современной сцены. Но чтобы не быть голословнымъ относительно именно кое-какихъ неясностей перевода Шлегеля, приведемъ одинъ крайне интересный примѣръ.

Въ сценѣ между Гамлетомъ и Офеліею, происходящей по первому варианту «Гамлета» приблизительно въ началѣ второго акта (въ сущности, Шекспиръ вовсе не дѣлалъ своихъ пьесъ на акты), а по второму (болѣе извѣстному) ва-

рианту въ началѣ третьяго акта (въ нашемъ переводѣ мы помѣстили её, желая сократить безъ того уже длинный третій актъ, въ концѣ второго), Гамлетъ начинаетъ заключительный монологъ этой сцены, обращенный къ Офеліи, словами: «I have heard of *) your paintings too, well enough». Шлегель переводитъ ихъ: «Ich weiss auch von euren Malereien Bescheid, recht gut», т. е. «мнѣ довольно-таки хорошо известны ваши живописанія». Слово «painting» передано имъ буквально чрезъ слово «Malerei». Франсуа Гюго передаетъ его по-французски (въ своемъ подстрочномъ переводѣ) чрезъ «peinture» и такимъ образомъ не отстаётъ отъ Шлегеля. Что ужъ говорить о русскихъ переводчикахъ! Полевой, напримѣръ, передаетъ означенную фразу словами: «я знаю, какъ вы себя раскрашиваете». Что слово «painting» означаетъ «живопись» это вѣрно. Но мы становимся въ тупикъ, если захотимъ, переводя его такъ, уяснить себѣ смыслъ *всего монолога*. Намъ скажутъ, что Гамлетъ, разыгрывая помѣшаннаго, говоритъ чепуху, но это не вѣрно: нѣтъ слова его имѣютъ глубокое значеніе, не исключая діалога съ Офеліею, что именно и подтверждается Шекспиромъ устами короля, подслушавшаго означенный разговоръ и замѣчающаго:

«... и какъ-бы ни были нескладны слова его, но на безумство они не походили вовсе».

Обращаемся къ природному англичанину, и

*) To hear — слышать; to hear of (well enough) — ознакомиться съ...

тотъ объясняетъ намъ значеніе слова «painting» «живописью», но создается при этомъ, что смыслъ монолога ему въ такомъ случаѣ непонятенъ, потому что выраженіе это едва-ли можно отнести къ косметическимъ или другимъ какимъ-либо средствамъ, къ которымъ прибегаютъ женщины, такъ какъ изъ подобныхъ черезчуръ специальныхъ данныхъ Гамлетъ не сталъ-бы выводить столь общихъ заключеній. Какъ оставалось намъ поступить? Мы уже думали последовать примѣру Шлегеля и Гюго и допустить явную, по нашему мнѣнію, натяжку. Сомнѣнія наши были разсѣяны прекрасно составленнымъ англо-нѣмецкимъ словаремъ Тиме, именно того изданія, которое пополнено словами съ ихъ значеніями, хотя и устарѣвшими, но встречающимися у Шекспира. Слово «painting» поясняется въ немъ, между прочимъ, словомъ «Ebenbild», т. е. «подобіемъ». Если вмѣсто живописи воспользоваться этимъ выраженіемъ, то выйдетъ *приблизительно* такъ: «мнѣ хорошо известны тебѣ подобія», т. е. существа подобныя Офеліи, т. е. женщины. Мы и переводимъ: «я успѣлъ-таки ознакомиться съ вашею братіею, и съ меня довольно!» Затѣмъ содержаніе всего монолога становится, какъ нельзя болѣе, яснымъ. Ларчикъ открывается повидимому просто.

Мы-бы могли привести массу примѣровъ *явного* непониманія Шекспира берущимися у насъ переводить его, но избавляемъ себя отъ этого слишкомъ благодарнаго труда, предлагая интересующимся подобнаго рода курьезами заняться сравнительными изысканіями по этой части, и если въ результатѣ окажется, что нашъ переводъ дастъ имъ возможность многое уяснить, что

прежде казалось имъ рѣшительно непонятнымъ, то это послужить намъ лучшимъ вознагражденіемъ за нашъ трудъ, если не считать того неизяснимо-высокаго художественнаго наслажденія, которое намъ уже доставилъ самъ по себѣ этотъ трудъ, потребовавшій долголѣтней предварительной подготовки.

Выше мы нарочно упомянули о двухъ вариантахъ «Гамлета». Извѣстно, что Шекспиръ нашелъ необходимымъ исправить своего такъ называемаго «перваго Гамлета» и выступилъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ появленія его — со «вторымъ Гамлетомъ». На шведскомъ языкѣ существуетъ прекрасно составленный переводъ «Гамлета», въ которомъ приняты во вниманіе оба варианта, такъ какъ переводчики находили многія мѣста «перваго Гамлета» болѣе удачными въ сравненіи со вторымъ. Предупреждаемъ читателя, что мы однако не сочли нужнымъ послѣдовать примѣру шведскихъ собратовъ. Насколько первый вариантъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удачнѣе позднѣйшаго — дѣло личныхъ взглядовъ. Принимая же во вниманіе, что Шекспиръ, въ свое время, нашелъ, что его «первый Гамлетъ» нуждается въ исправленіяхъ, мы полагаемъ, что онъ имѣлъ къ тому вѣсныя основанія и предоставляемъ въ этомъ отношеніи ему самому быть судьей и, такъ сказать, хозяиномъ его произведенія, почему и не считаемъ себя въ правѣ возстановлять то, что самимъ имъ было забраковано (НВ. для гг. преемниковъ правъ авторской собственности).

Считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что мы не слѣдуемъ также примѣру нѣкоторыхъ русскихъ переводчиковъ и не ставимъ въ словѣ

«Гамлетъ» ударенія на первомъ слогѣ. Мы придерживаемся въ этомъ случаѣ принятому въ разговорѣ болѣе благозвучному русскому произношенію этого имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ и потому охотно подчиняемся пословицѣ: *usus est tyrannus*.

Намъ остается еще замѣтить, что всѣ слышномъ сильныя выраженія, кажушіяся неприличными, мы смягчили и сочли даже нужнымъ выкинуть одну изъ пѣсень — Офеліи. Въ настоящее время она, въ устахъ невинной, хотя и помѣшавшейся, Офеліи, можетъ произвести лишь непріятное впечатлѣніе, чего Шекспиръ, въ свое время, когда о приличіи имѣлись другія понятія, само собою, не могъ имѣть въ виду. Вообще въ этомъ отношеніи мы стремились передать трагедію Шекспира (вовсе не искажая ея) въ видѣ, по возможности, доступномъ также для чтенія подрастающему поколѣнію.

Считаемъ долгомъ выразить здѣсь свою живѣйшую признательность Николаю Алексѣевичу Гречу (внуку извѣстнаго Н. И. Греча), благими совѣтами и любезными указаніями котораго относительно болѣе точной передачи смысла подлинника и изысканности русскаго слога намъ неоднократно приходилось пользоваться.

Въ заключеніе выразимъ скромное пожеланіе, чтобы въ программу нашего школьнаго образованія было включено обстоятельное знакомство съ Шекспиромъ, въ твореніяхъ котораго мы видимъ истинный классицизмъ.

Авторъ перевода.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавдій, король Датскій.
Гертруда, королева Датская (мать Гамлета).
Гамлетъ, сынъ покойнаго короля и племянникъ
Клавдія.
Полоній, главный камергеръ.
Лазръ, сынъ его.
Офелія, дочь его.
Гораціо, другъ Гамлета.
Вольтимандъ,
Корнелій,
Розенкранцъ,
Гильденштернъ,
Осринъ,
Марцелль,
Бернардо,
Франциско, } придворные.
Придворный. }
Актеры. } офицеры.
Два могильщика.
Слуга.
Матрость.
Вѣстникъ.
Призракъ отца Гамлета.
Фортинбрасъ, принцъ Норвежскій.
Англійскіе послы.
Придворные кавалеры и дамы, офицеры, нажи. сол-
даты, матросы и др.
Дѣйствіе происходитъ въ Давицъ, въ Гельсингъеръ (лѣт-
ней резиденція короля).

АКТЪ I.

СЦЕНА I.

Тронный залъ. Черезъ главный средній входъ, который
открытъ, видна галлерія съ колоннами, за которыми
стоятъ часовые.

(Входятъ, оживленно разговаривая между собою:

Гораціо, Марцелль и Бернардо).

Гораціо. Я ни-за-что-бы не повѣрилъ,
когда-бъ мнѣ самому вчера
не удалось его увидѣть.
Онъ былъ точь-въ-точь въ вооруженіи,
въ какомъ я видѣлъ короля,
когда онъ, одержавъ побѣду
надъ повелителемъ Норвежскимъ,
въѣзжалъ въ столицу.

Марцелль. Оба раза,
когда мы безъ тебя на стражѣ
стояли, призракъ появлялся
въ такомъ-же точно облаченіи.

Гораціо. Чѣмъ объяснить видѣніе это?
Не предвѣщаетъ-ли оно
намъ снова бѣдствія войны?

Марцелль. Ты правъ, быть можетъ. Вѣдь недаромъ
дворные объѣзды всюду
народъ смущаютъ по ночамъ.

Къ чему готовятся запасы, —
кипитъ работа въ арсеналахъ, —
на верфяхъ строятся суда?
Къ чему рабочихъ заставляютъ
трудиться въ праздники, какъ и въ будни?
Къ чему? кто объяснить мнѣ это?

Горацио. Вотъ дѣло въ чемъ. Король покойный,
какъ вамъ известно, вызванъ былъ
норвежскимъ повелителемъ,
высокомѣрнымъ Фортинбрасомъ,
на бой съ нимъ. Доблестный Гамлетъ
(такимъ онъ всѣмъ извѣстенъ былъ)
сразилъ его, — и Фортинбрасъ
лишился съ жизнью и владѣній,
которыя по уговору,
заранѣе условленному,
онъ уступить ему былъ долженъ,
какъ одолѣвшему его.
Вѣдь если-бы была побѣда
на сторонѣ Норвегій,
то Данія-бы поплатилась
удѣломъ соотвѣственнымъ. —
Теперь-же юный Фортинбрасъ,
горя побѣдой отличившись,
набралъ изъ сброду проходивцевъ,
готовыхъ биться изъ-за хлѣба, —
въ Норвегій, со всѣхъ сторонъ,
войска для предпріятія
отважнаго: какъ полагають,
онъ хочетъ силою оружія
отвоевать все то, что было
утрачено его отцомъ.
Вотъ это все, мнѣ кажется,
и есть причина нашихъ спѣшныхъ
вооруженій и дозоровъ,

всегда влекущихъ за собою
броженіе смутное въ странѣ.

Бернардо. Съ тобою я того-же мнѣнія:
недаромъ именно теперь
изъ гроба всталъ въ доспѣхахъ бранныхъ
король, который въ этихъ распряхъ
участія столько принималъ.

Горацио. Вотъ мой совѣтъ: все, что вчера
мы ночью съ вами видѣли,
повѣримъ принцу мы Гамлету.
Хоть призракъ былъ для насъ нѣмымъ,
но я готовъ дать голову
на отсѣченіе, что съ нимъ
онъ будетъ говорить навѣрно.
Итакъ согласны вы? Любви
и долгъ обязываютъ насъ...

Марцелль. Да, въ самомъ дѣлѣ. Такъ пойдемте, —
я знаю, гдѣ его мы встрѣтимъ.

(Уходятъ).

(Входятъ: придворные кавалеры съ одной стороны
и дамы съ другой; между ними Лазрть и Офелія.
Звучи трубы и барабаны. Чрезъ главный входъ
входятъ наши, за ними: Король, Королева, Гамлетъ,
Полоній, Вольтимандъ, Корнелій и свита).
Король (со сверткомъ въ рукахъ).

Хотя воспоминаніе
о смерти брата нашего
Гамлета незабвеннаго
свѣжо, — и какъ ни тяжела
для насъ и для всего народа
великая сія утрата,
но здравый смыслъ съ искорностью
велятъ намъ относиться къ ней
и дѣлать не забывать текущихъ.
Едва мы схоронили брата,

какъ, съ скорбной радостію въ сердцахъ, отпраздновали мы свой бракъ съ невѣсткой нашей, королевой, наслѣдницей его престола. Такъ поступили мы согласно совѣту вашему, который намъ по душѣ былъ. Изъявляемъ за всё вамъ нашу благодарность. — Но къ дѣлу. Вамъ уже извѣстно, что Фортиnbrасъ, Норвежскій принцъ, изъ небреженія къ нашей силѣ, и думая, что смерть Гамлета въ странѣ посѣяла раздоры, — не преминулъ посольствомъ насъ обезпокоить — съ порученьемъ: потребовать отъ насъ возврата земель, которыя его отецъ былъ долженъ уступить, на основаніи договоровъ, отважному царю Гамлету. — Мы васъ призвали нынѣ, чтобы по этому предмету вамъ рѣшеніе наше возвѣстить. На имя дяди Фортиnbrаса, царя Норвегій, который и дряхлъ и боленъ — и едва-ли о замыслѣ его провѣдалъ, мы обращаемся съ посланьемъ — и требуемъ, чтобъ мѣры принявъ, онъ противъ притязаній принца, тѣмъ болѣе, что Фортиnbrасъ поддерживать намѣренъ ихъ войсками, набранными изъ его народа. — Васъ, Корнелій и Вольтимандъ, мы посылаемъ съ привѣтомъ этимъ къ королю

Норвежскому, и не даемъ дальнѣйшихъ полномочій вамъ, какъ только поступать согласно здѣсь обозначеннымъ статьямъ. Ступайте-жъ. Спѣшностью своей намъ докажите вашу ревность.

Корнелій и Вольтимандъ, (принимая свертокъ).
И здѣсь, какъ и во всемъ, готовы мы доказать ее

Король. Нисколько не сомнѣваемся. Прощайте.
(*Вольтимандъ и Корнелій уходятъ*).
Теперь, Лазэртъ, повѣдай намъ свое желаніе. Ты съ просьбой намѣренъ къ намъ былъ обратиться... Скажи, въ чемъ состоитъ она?

и будь заранѣ увѣренъ, что къ просьбѣ сына вѣрнаго слуги престола нашего съ сочувствіемъ мы отнесемся.

Лазэртъ. Прошу я, государь, дозволить мнѣ снова въ Фравцію поѣхать, которую покинулъ я, спѣша сюда исполнить долгъ свой при торжествѣ коронованья.

Король. А какъ отецъ? Полоній, ты согласишься?

Полоній. Что-жъ мнѣ дѣлать съ нимъ? Онъ выключилъ мое согласіе. Уже отпустите, государь, его.

Король. Такъ въ добрый часъ, Лазэртъ. Ступай. Старайся временемъ воспользоваться хорошенько. —

Ну что, Гамлетъ, племянникъ нашъ
и сынъ...

Гамлетъ (*въ сторону*). Родня! но не сроднялся.

Король. Все пасмурнымъ еще глядишь?

Гамлетъ. Напротивъ: блескомъ ослѣпленъ я.

Королева. Отбрось свой мрачный видъ, мой добрый

Гамлетъ: взгляни привѣтливѣй
на государя. О, зачѣмъ
твой вѣчно потупленный взоръ
стремится словно отыскать
въ пространствѣ призракъ благородный
отца? Всѣ умереть должны мы
и бренность промѣнять на вѣчность.
Не помириться съ этимъ было-бъ
противно волѣ Провидѣнья.

Гамлетъ. Да, государыня, противно.

Королева. Вотъ видишь! Почему-жъ оно
такъ кажется особеннымъ
тебѣ?

Гамлетъ. Нѣтъ, государыня,
не только кажется, а есть!
Ни мрачный видъ, ни черная
моя одежда и ни вздохи,
ни слезы горькія и ни
другія проявленія скорби —
не могутъ въ настоящемъ свѣтѣ
вамъ показать меня; все это
лишь, въ самомъ дѣлѣ, «кажется»:
оно притворнымъ можетъ быть.
Что выше кажушагося —
лежитъ во мнѣ; а все другое
лишь украшеніе печали.

Король. Весьма похвально съ стороны
твоей, Гамлетъ, оказывать
отцу долгъ скорби. Но подумай:

и твой отецъ отца лишился,
а этотъ также своего, —
и каждому изъ нихъ, какъ сыну,
извѣстное пришлось время
лѣжать память своего
предшественника. Но, мой другъ,
безбожно вѣчно сѣтовать
на то, что рѣшено судьбой,
что измѣнить никакъ нельзя.
Оно является проступкомъ
противъ покойнаго и Неба,
противъ природы и разсудка.
Тебя мы просимъ, перестань
тужить напрасно и взгляни
на насъ, какъ на отца; пусть свѣтъ
весь знаетъ, что ты самый близкій
къ престолу нашему, что я
въ любви — во всемъ тебѣ готовъ
отца родного замѣнить. —
Ты хочешь въ университетъ
вернуться Виттенбергскій... Это
не отвѣчаетъ нашимъ видамъ.
Мы просимъ убѣдительно
тебя остаться здѣсь у насъ,
какъ первый рыцарь при дворѣ,
какъ нашъ племянникъ и какъ сынъ.

Королева. Ты не заставишь мать свою
просить объ этомъ понапрасну.
Гамлетъ, мой сынъ, не покидай насъ.

Гамлетъ. Вамъ, государыня, во всемъ
повиноваться я готовъ

Король. Вотъ это славный, ласковый
отвѣтъ! Такъ будь-же на ряду
ты съ нами первымъ въ государствѣ.
Идемте, государыня.

Какъ радуешь меня, что онъ съ такой готовностью согласенъ быть намъ пріятнымъ. Въ честь его пусть каждый тостъ, который будетъ провозглашенъ сегодня мною, сопровождается пальбой изъ пушекъ. Такъ пойдемте-же.

(Музыка. *Всѣ, кромѣ Гамлета, уходятъ; двери зашториваются; музыка постепенно умолкаетъ*).

Гамлетъ. О, если-бъ не было такъ прочно и испариться-бъ это тѣло могло! вѣдь если-бъ заповѣдь свою не обратилъ Всевышній противъ самоубійства!

(бросается въ кресло) Боже! о, Боже! какъ въ моихъ глазахъ противны, пошлы, пусты и безплодны суеты мірскія! Онѣ не болѣе, какъ садъ запущенный, заросшій сорной травой... Вотъ до чего дошло! Два мѣсяца, какъ умеръ — ятъ! и двухъ ятъ — несравненный нашъ монархъ, передъ которымъ этотъ — то, что Сатиръ предъ Аполлономъ, — который въ матери моей совсѣмъ души не чаялъ!.. Силы земныя и небесныя! (быстро встаетъ) подумай! и вѣдь ея привязанность къ нему, казалось, не остывала, а росла... и черезъ мѣсяцъ... Боже! кто повѣрилъ-бы!.. Непостоянство! вотъ вѣчно-женская черта! Всего лишь мѣсяцъ! не успѣла

и обувь износить, въ которой его къ могилѣ провожала, — ей-Богу! неразумный звѣрь и тотъ протосковалъ-бы дольше, — и замужемъ уже за дядей, за братомъ моего отца, похожимъ на него, какъ я на Геккулеса! Въ одинъ мѣсяцъ! Глаза не высохли отъ слезъ обманчивыхъ — и замужемъ! Съ такой поспѣшностью постыдной на столь безумный бракъ рѣшиться! Добра отъ этого не будетъ. Увы! терзайся, мое сердце, — молчать должны мои уста!

(бросается снова въ кресло).

(Входятъ: Горацио, Бернардо и Марцелль).

Горацио. Желаемъ здравья, вашему высочеству.

Гамлетъ (встаетъ). Ахъ, очень радъ васъ видѣть... Какъ? Горацио!

(узнавъ его, весело идетъ къ нему на встрѣчу) глазамъ не вѣрю я!

Горацио. Да, принцъ, вамъ вѣчно преданный слуга...

Гамлетъ. Мой добрый другъ, а не слуга! (подаетъ ему руку).

Зачѣмъ-же вы изъ Виттенберга сюда пріѣхали, Горацио, (нервительно) Марцелль?

Марцелль (кланяется). Ваше высочество...

Гамлетъ. Я очень радъ васъ видѣть. (къ Горацио) Но,

серьезно, что тебя сюда изъ Виттенберга привело?

Горацио. Влеченье къ праздности, мой принцъ.

Гамлетъ. Ну, въ этомъ-бы меня никто не убѣдилъ. Я не могу тебя представить себѣ празднымъ. Нѣтъ, объясните мнѣ, зачѣмъ вы въ Гельзингъеръ? Безъ попойки мы не отпустимъ васъ отсюда.

Гораціо. На похороны вашего отца, принцъ, я явился.

Гамлетъ. Шутить, коллега! ты сюда приѣхалъ на свадьбу матери моей.

Гораціо. Воистину, мой принцъ! одно послѣдовало за другимъ.

Гамлетъ. Что дѣлать! Экономія!

Остатки отъ поминковъ, другъ мой, для свадебнаго пиршества холодною закуской были. О, лучше было-бы на томъ свѣтѣ съ врагомъ лютѣйшимъ повстрѣчаться, чѣмъ пережить тотъ день!.. Горацій, мнѣ кажется все, что я вижу здѣсь моего отца...

Гораціо. Гдѣ, принцъ?

Гамлетъ. Духовнымъ зрѣніемъ, мой другъ.

Гораціо. Однажды видѣлъ я его .. вотъ это былъ властитель!..

Гамлетъ. Словомъ, онъ человѣкомъ былъ. Ему подобнаго мнѣ никогда увидѣть не придется.

Гораціо. Принцъ, мнѣ думается, прошлой ночью его я видѣлъ.

Гамлетъ. Что такое? кого ты видѣлъ?

Гораціо. Вашего отца, принцъ, государя.

Гамлетъ. (взволнованно). Что? Отца ты видѣлъ, короля?!

Гораціо. Принцъ, успокойтесь. Выслушайте меня внимательно, прошу васъ. Оно столь необыкновенно, что, безъ свидѣтельства вотъ этихъ господъ, я самъ-бы не повѣрилъ.

Гамлетъ. О, ради Бога, говори!

Гораціо. Во время двухъ ночей подрядъ пришло Бернардо и Марцеллу на стражѣ быть и видѣть нѣчто необычайное. Явился предъ ними призракъ, съ виду на царя покойнаго похожій, и мимо нихъ прошелся онъ три раза. Съ ногъ до головы онъ былъ вооруженъ вполнѣ, и выступалъ онъ мѣрными шагами. Въ страхѣ, ихъ объявшемъ, они не въ состоянii были заговорить съ нимъ... Вотъ все это они рѣшили мнѣ повѣрить. На третью ночь я вмѣстѣ съ ними на стражѣ былъ, и снова въ полночь явился призракъ въ томъ-же видѣ. По сходству несомнѣнному узналъ въ немъ вашего отца я.

Гамлетъ. Скажи, гдѣ-жъ это приключилось?

Гораціо. Гдѣ мы дежурили, принцъ, на терассѣ.

Гамлетъ. Вы ни слова съ нимъ не говорили?

Гораціо.

Я на это
рѣшился-было, но отвѣта
не получивъ. Онъ, мнѣ казалось,
лишь поднявъ голову, какъ будто
хотѣлъ заговорить... но въ ту
минуту-же запылъ пѣтухъ,
и призрака не стало

Гамлетъ.

Странно!

Гораціо.

Ей-Богу, принцъ, необычайно!..
Все это мы сочли своимъ
священнымъ долгомъ сообщать вамъ.

Гамлетъ.

Да, да, друзья... Я пораженъ!..
Вы будете сегодня на
дежурствѣ?

Всѣ.

Да, принцъ.

Гамлетъ.

Вы сказали:

Всѣ.

онъ былъ во всеоружіи?

Гамлетъ.

Да, съ головы до ногъ, принцъ.

Значить,

лица его вы не видали?

Гораціо.

Нѣтъ, видѣли! Приподнято
забрало было у него.

Гамлетъ.

Смотрѣлъ онъ мрачнымъ?

Гораціо.

Видъ его

скорѣй печаленъ былъ, чѣмъ мраченъ.

Гамлетъ.

Онъ блѣденъ былъ, иль красенъ?

Гораціо.

Блѣденъ,

какъ полотно.

Гамлетъ.

И пристально

глядѣлъ на васъ?

Гораціо.

Да, пристально.

Гамлетъ.

О, если-бы я былъ при этомъ!

Гораціо.

Вы ужаснулись-бы навѣрно.

Гамлетъ.

Да... можетъ быть... И долго тамъ
онъ оставался?

Гораціо.

Можно было,

не торопясь, за это время

до сотни просчитать.

Марцелль.

Нѣтъ, дольше!

Бернардо.

Гораздо долѣе.

Гораціо.

Быть можетъ,

но не при мнѣ.

Гамлетъ.

И борода

сѣдая?

Гораціо.

Съ просѣдью.

Гамлетъ.

Сегодня

я также буду караулить:

быть можетъ, онъ опять придетъ.

Гораціо.

Навѣрно!

Гамлетъ.

Если я его

во образѣ отца увижу,

то ни на что не посмотрю

и съ нимъ заговорю. Прошу

васъ всѣхъ, коль сохранили вы

все это въ тайнѣ, то и впредь

ни слова о видѣннѣ не

промолвить. Чтѣ-бы ни случилось

сегодня ночью, пусть глаза

и слухъ свидѣтелями будутъ,

но не уста! услуги этой

я не забуду никогда вамъ.

Но до свиданья. На терасѣ

за часъ до полуночи мы

увидимся.

Всѣ.

Мы остаемся

всегда къ услугамъ вашимъ, принцъ.

Гамлетъ.

Моя любовь — въ отвѣтъ на вашу!

Прощайте!

(Гораціо, Марцелль и Бернардо уходятъ).
Призракъ моего

отца въ его вооруженнѣ?...
 Не ладно что-то... чуются
 мнѣ козьи сатаны! Скорѣй-бы
 настала ночь... а до тѣхъ поръ
 молчи, душа... Хотя-бы въ вѣдрахъ
 земли скрывалось злодѣйство, —
 нигдѣ ему покоя нѣтъ,
 и всплыть должно оно на свѣтъ.

(Уходитъ; слышны звуки застольной музыки).
 (Входятъ: Лазръ и Офелія).

Лазръ. Мое добро на кораблѣ.
 Пора проститься мнѣ съ тобой.
 Итакъ, сестрица, если вѣтры
 благопріятны будутъ, не
 зѣвай, а съ первымъ кораблемъ
 мнѣ вѣсточку дай о себѣ.
 Ты сомнѣваешься?

Офелія.
 Лазръ.

Что-жъ до
 Гамлета и ухаживаній
 его, повѣрь мнѣ, это все
 не болѣе, какъ вспышка сердца...
 Оно напоминаетъ мнѣ
 фіалку раннею весною:
 сегодня расцвѣла она,
 а завтра свянетъ... нѣсколько
 минутъ благоуханья и
 восторга... вотъ и все.

Офелія.
 Лазръ.

Не болѣе, повѣрь мнѣ, нѣтъ.
 Положимъ, онъ тебя и любитъ
 и до сихъ поръ не запятналъ
 обманомъ честныхъ побужденій,
 но самъ его... о, берегись!
 вѣдь принцъ не властенъ надъ собою:
 онъ самъ лишь рабъ высокаго

происхожденія своего.
 Онъ выбирать себѣ невѣсту
 не можетъ, какъ простые люди.
 Отъ выбора его зависить
 благополучіе страны.

И если увѣрять онъ
 тебя въ любви своей, то вѣрь
 ему настолько лишь, насколько
 онъ въ правѣ къ дѣлу приложить
 слова, не болѣе. Подумай,
 какъ пострадать твоя честь можетъ,
 коль слишкомъ легковѣрно будешь
 прислушиваться къ напѣваньямъ
 его... коль увлечешься ими...
 Не вѣрь, Офелія, не вѣрь!
 Подальше отъ огня, сестра!

Офелія.

Охотно слѣдовать готова
 сему я мудрому совѣту.
 Вѣдь ты, надѣюсь, не похожъ
 на злыхъ наставниковъ, готовыхъ
 указывать всѣмъ путь добра,
 а между тѣмъ смѣющихся
 надъ собственнымъ своимъ совѣтомъ,
 коль очередь до нихъ дошла
 самимъ послѣдовать ему?
 Не правда-ль, братецъ?

Лазръ.

О, не бойся...

Но мнѣ пора... смотри, отецъ...

(Входитъ Полоній).

Вторичное прощаніе
 мнѣ счастье, батюшка, сулить!

Полоній. Ты здѣсь еще, Лазръ? Скорѣй!

Корабль къ отплытію готовъ.

Прими-жъ мое благословеніе.

(Вынимаетъ книжку, перелистываетъ и возлагаетъ
 руку ему на голову).

Да кстати вотъ тебѣ наука (*читаетъ*):
 «будь остороженъ на словахъ,
 на дѣлѣ-же, мой другъ, недавно;
 будь обходителенъ, не дерзокъ.
 Съ разборомъ выбирай друзей.
 Ссорь не нищ; коль выйдетъ ссора,
 держи себя такъ, чтобъ противникъ
 всегда тебя остерегался.
 Не занимай и не давай
 взаимъ: при этомъ очень часто
 друзей лишаются и денегъ.
 А главное не забывай
 быть вѣрнымъ самому себѣ,
 тогда и предъ другими ты
 лукавить никогда не будешь».
 Ну, Богъ съ тобой. Счастливый путь.
 Прощайте, батюшка.

Лазрть.
 Полоній.

Ступай.

Лазрть.

Тебя давно ужъ ждутъ.
 Прощай,

Офелія.

Офелія. Такъ не забудь-же
 бесѣды нашей.
 Въ моемъ сердцѣ
 слова твои запечатлѣлись.

Лазрть.

Прощайте. (*уходитъ*).

Полоній.

Что тебѣ сказала онъ,

Офелія.

Офелія?

О принцѣ рѣчь
 была... Гамлетъ.

Полоній.

Въ самомъ дѣлѣ?

Я слышала, что съ недавнихъ поръ
 съ тобой онъ часто раздѣлялъ
 часы досуга, что сама ты
 его съ радушіемъ встрѣчала.
 Что-жъ? если такъ (а я такіе

намекъ слышу не впервые),
 тогда сказать тебѣ я долженъ,
 что ты себя не разумѣешь,
 что честию ты не дорожишь,
 приличной дочери моей!
 Что между вами завелось?
 Скажи всю правду.

Офелія

Батюшка,

онъ увѣрилъ меня не разъ
 въ своей привязанности вѣчной.
 Полоній. Привязанности! Зелена
 еще! опасностей не видишь!
 И ты конечно вѣришь этой
 привязанности!

Офелія

Я не знаю,
 что думать, батюшка, должна я.

Полоній.

А думай, что ты дуручка,
 что вся привязанность его
 на гроша мѣднаго не стбитъ!
 Ой, дочка, не дури! не то
 меня ты въ дуракахъ оставишь.
 Офелія. Онъ приставалъ ко мнѣ съ любовью
 такъ нѣжно, скромно...

Офелія.

Полоній.

Приставалъ
 такъ нѣжно, скромно! Ха, ха, ха!

Офелія.

И сколько клятвъ онъ надавалъ мнѣ!

Полоній.

Силки для птички! Знаю я,
 какъ расточительны уста
 на клятвы, если кровь кипитъ!
 Все это лишь огонь, который
 хотя и свѣтитъ, но не грѣетъ,—
 хотя горитъ, но гаснетъ быстро.
 Отнынѣ будь скупѣе на
 невинныя бесѣды съ нимъ.
 Принцъ, какъ мужчина молодой,

себѣ позволить можетъ больше,
чѣмъ ты, Офелія.. А клятвамъ
его не довѣрай. Онѣ
обманчивы и служатъ лишь
къ соблазну. Говорю тебѣ
разъ навсегда, ты болѣе
не смѣй ни одного мгновенья
въ бесѣдѣ съ принцемъ расточать!
Замѣть себѣ! я такъ хочу!
Теперь ступай.

Офелія.

Я повинуюсь.
(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Лунная ночь. На одной сторонѣ, на второмъ планѣ, видна часть дворца съ терассою во всю ширину сцены. Окна освѣщены. Съ терассы ведутъ внизъ (на первый планъ сцены) длинныя ступени, обращенныя къ оркестру. Фонъ изображаетъ скалистый берегъ моря.—Первая половина слѣдующей сцены (до ухода всѣхъ лицъ) происходитъ, какъ на самой терассѣ, такъ и внизу. Вторая половина начинается (между Гамлетомъ и призраккомъ) на послѣднемъ планѣ, т. е. на возвышенномъ берегу; затѣмъ (по приходѣ другихъ лицъ) постепенно переходитъ на второй и первый планы.

(Франциско на часахъ Марцелль входитъ).

Марцелль. Кто тамъ?

Франциско. Нѣтъ, стой! самъ отвѣчай.

Пароль? (протягиваетъ алебарду).

Марцелль. Да здравствуетъ король!

Франциско. Марцелль?

Марцелль. Онъ самъ.

Франциско. Ты аккуратенъ.

Марцелль. Уже полночь приближается.

Ступай, Франциско, спать.

Франциско. Спасибо

за смѣну. Холодно ужасно.

Мнѣ нездоровится.

Марцелль. Спокойно-ль

все было?

Франциско. Тишь да гладь.

Марцелль. Прощай.

Ты повстрѣчаешься, быть можетъ,
съ товарищами по дежурству:
скажи имъ, чтобы поспѣшили.

(Входятъ Гораціо и Гамлетъ).

Франциско. Кажись, я слышу ихъ. Эй, стой!

Кто тамъ?

Гораціо. Друзья отечества.

Франциско. Спокойной ночи

Гораціо. Кто смѣнилъ

тебя, товарищъ, а?

Франциско. Марцелль.

Прощайте. (Уходитъ).

Гораціо. Эй, Марцелль!

Марцелль. Гораціо!

Гораціо. Ау! я здѣсь!

Марцелль. Здорово, другъ.

Ахъ, принцъ...

Гамлетъ. Ну что? ты ничего

еще не видѣлъ?

Марцелль. Нѣтъ, еще.

Гамлетъ. Который часъ?

Гораціо. Должно быть, скоро

двѣнадцать будетъ.

Марцелль. Нѣтъ, ужъ било.

Гораціо. Уже? я не слыхалъ. Итакъ

минута настаётъ, когда

обыкновенно призракъ здѣсь блуждаетъ.

(Раздается пистолетный выстрѣлъ, сопровождаемый трубными звуками).

Принцъ, что это значитъ?

Гамлетъ. Король всю ночь не спитъ, пируетъ — и въ шумномъ опьяненіи пляшетъ.

Тамъ вина рейнскія потокомъ текутъ, а трубы и литавры провозглашаютъ царскій тостъ.

Горацио. Такъ развѣ принято?

Гамлетъ. Конечно.

По моему обычаю этотъ, — хотя мнѣ съ нимъ пришлось ужиться, — достойнѣе не соблюдать. Недаромъ эти кутежи на Западѣ и на Востокѣ недоброе намъ имя дали. Всѣ наши лучшія дѣянія не лишены-ли обаянья...

(Появляется Призракъ).

Горацио. Смотрите, принцъ, — идетъ, идетъ!

Гамлетъ. О, Боже! заступись за насъ! (отъ ужаса стоитъ безмолвнымъ; затѣмъ съ усиліемъ).

Кто ты — духъ праведный или злой?

Съ какою цѣлью къ намъ явился

во образѣ, который заставляетъ

меня съ тобою рѣчь вести?

Зову тебя по имени:

Гамлетъ, властитель и отецъ мой...

о, отвѣчай мнѣ! не оставь

меня въ сомнѣніи... нѣтъ, скажи:

зачѣмъ поклянуль ты могилу?

зачѣмъ облекся ты, мертвецъ,

въ булатные свои доспѣхи —

и бродишь здѣсь при лунномъ свѣтѣ?

Зачѣмъ? о, говори! зачѣмъ?

Призракъ (дѣлаетъ движеніе рукой).

Горацио. Онъ манитъ васъ, какъ будто хочетъ однимъ вамъ что-то сообщить.

Марцелль. Смотрите, какъ онъ ласково зоветъ васъ съ нимъ уединиться. Но не ходите...

Горацио. Ни за что!

Гамлетъ. Здѣсь онъ не хочетъ говорить, — такъ я послѣдую за нимъ.

Горацио. Принцъ, не ходите!

Гамлетъ. Почему?

Чего бояться мнѣ? Я жизнью своей не дорожу нисколько; что-жъ до души моей, то что онъ ей можетъ причинить? она бессмертна, какъ онъ самъ. Смотрите: онъ снова машетъ, — я иду.

Горацио. Что если онъ васъ завлечетъ на самую вершину той скалы, которая такъ грозно надъ моремъ высится, и вдругъ страшилищемъ предъ вами онъ предстанетъ... помутитъ вашъ разумъ? Однѣ ужъ видѣ утеса страшень...

Гамлетъ. Онъ манитъ все... ступай — иду.

Марцелль. Нѣтъ, принцъ, останьтесь!

Гамлетъ. Руки прочь!

Горацио. Послушайте насъ, не ходите.

Гамлетъ. Моя судьба зоветъ — и силу вселяетъ лъвицу въ меня!

Призракъ (манитъ)

Гамлетъ. Онъ все зоветъ. Пустите-же!

(вырывается и обнажаетъ мечъ).

Клянусь! самъ призракомъ тотъ станетъ,
кто удержать меня посмѣетъ!
Скавалъ — иду! — Ступай впередъ, —
я слѣдую

(Призракъ и Гамлетъ уходятъ).

Горацио.

Онъ виѣ себя...

Марцелль.

Послѣдуемъ за нимъ. Нельзя-же
ему повиноваться.

Горацио.

Да,
идемъ! Къ чему-то приведетъ
все это?

Марцелль.

Въ Датскомъ государствѣ
не ладно что-то.

Горацио.

Сохрани
насъ, Небо!

Марцелль.

Такъ пойдемъ за нимъ
(уходятъ).

(Черезъ нѣсколько времени Призракъ и Гамлетъ по-
являются въ глубинѣ).

Гамлетъ.

Куда-же ты? о, говори!
я далѣ не пойду.

Призракъ.

Внимай мнѣ

Гамлетъ. Я слушаю.

Призракъ.

Часть близится,
когда подземный пламень снова
меня обжигаетъ.

Гамлетъ.

О, несчастный!

Призракъ.

Нѣтъ, не жалѣй, а со вниманьемъ
къ словамъ прислушайся моимъ.

Гамлетъ.

О говори! мой долгъ — внимать.

Призракъ.

А также мстить, когда услышишь!

Гамлетъ.

Что? мстить!

Призракъ.

Я призракъ твоего
отца; мнѣ суждено блуждать
во мракѣ по ночамъ, а днемъ

терзаться въ огненныхъ оковахъ,
пока не смыто преступленье,
свершенное надъ браннымъ тѣломъ.
Когда-бъ дозволено мнѣ было
раскрыть передъ тобою тайны
моей темницы, то намекъ
единный — и застыла-бъ кровь
и помутился-бъ разумъ твой.
Нѣтъ, смертному не суждено
быть посвященнымъ въ эти тайны. —
Внимай мнѣ... о внимай! коль ты
когда-либо отца любилъ...

Гамлетъ.

О небо!

Призракъ.

Отомсти убійство,

свершенное надъ нимъ.

Гамлетъ.

Убійство?

Призракъ.

Презрѣнное и гнусное
убійство... ни съ какимъ другимъ
сравненія нѣтъ ему!

Гамлетъ.

Скорѣй

повѣдай мнѣ, и чувство мести
тотчасъ-же покинетъ во мнѣ!

Призракъ.

Готовность вижу я въ тебѣ...
и какъ тутъ быть невозмущеннымъ!
И такъ внимай, внимай, Гамлетъ...
Служь распустили, будто я
ужаленъ былъ змѣей въ саду
во время сна, и этой ложью
народъ введенъ былъ въ заблужденіе.
Сынъ мой, узнай, что та змѣя,
убійца твоего отца,
вѣнецъ мой нынѣ носить!

Гамлетъ.

О.

предчувствіе мое! мой дядя!

Призракъ.

Да, онъ презрѣнный обольститель,

сблуживший лестью и лукавством
увлечь невѣстку-королеву
на бракъ постыдный съ нимъ. О, сынь мой,
какая низкая измѣна
супругу вѣрному ея!
Но тише... утренней прохладой
повѣяло... Вотъ въ нѣсколькихъ
словахъ: когда въ саду пришлось
мнѣ по обыкновенію послѣ
обѣда отдохнуть предаться,
твой дядя, улучивъ минуту,
подкрался къ сонному — ко мнѣ —
и влилъ мнѣ въ ухо ядъ ужасный,
ядъ, дѣйствіе котораго
такъ гибельно для человѣка,
что онъ мгновенно умираетъ.
Такъ былъ лишенъ я братомъ жизни,
вѣнца, супруги, не успѣвъ
смыть покаяніемъ грѣхи.
Ужасно! горе мнѣ! ужасно!
Ахъ, неужель потеряешь ты
безчестіе своего отца,
господство въ Даніи разврата?!
О, если посвятишь себя
ты искупленію злодѣйства,
то мсть свою не обрати
на мать: ее пусть Небо судить...
Прости! пора, — ужъ разсвѣтаетъ...
О, помни обо мнѣ! Прости!
(исчезаетъ).

Гамлетъ. О, силы Неба и земли!
еще что? силы ада, что-ли?!
Проклятье!.. Успокойся, сердце...
останься крѣпкимъ, тѣло... Помнить!
да! помнить о тебѣ я буду!

Пусть все изъ памяти исчезнетъ, —
пусть твой завѣтъ живетъ лишь въ ней!

Гораціо (за сценой).

Принцъ!

Марцелль (за сценой). Принцъ Гамлетъ!

Гораціо.

Ау, принцъ!

Гамлетъ. Эге! сюда! я здѣсь, соколякъ!

(Входятъ Гораціо и Марцелль).

Марцелль. Ну что, принцъ?

Гораціо.

Какъ дѣла?

Гамлетъ.

Чудесны!

Гораціо. Скажите, принцъ...

Гамлетъ.

Вы выдадите.

Гораціо. Я? нѣтъ! клянусь, принцъ!

Марцелль.

И не я!

Гамлетъ. Ну что вы скажете? возможно-ль
повѣрить этому! Но вы...
готовы тайну сохранить?

Гораціо и Марцелль.

Клянемся!

Гамлетъ.

Во всей Даніи
не сыщешь подлеца такого...
который не былъ бы зараза
отъявленнымъ плутомъ!

Гораціо.

Чтобъ это
намъ сообщить, едва-ли-бъ мертвый
возсталъ изъ гроба.

Гамлетъ.

Вѣрно! да, ты правъ.

Итакъ, безъ лишнихъ церемоній —
я полагаю — мы пожмемъ
другъ другу руки и простимся.
Ступайте вы, куда васъ долгъ
зоветъ, или куда влечетъ васъ.
Что-жъ до меня... вду молиться.

Гораціо. Вы говорите, принцъ, словами

разстроеннаго человека.

Гамлетъ. Мнѣ жаль, что вы ихъ приняли въ обиду. Жаль, сердечно жаль.

Горацио. Тутъ нѣтъ обиды, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь!

обида есть, Горацио... великая обида! Что-же до привидѣнія, то я скажу лишь вамъ, что это былъ правдивый призракъ. А желанье узнать, что между нами было, по мѣрѣ силъ превозможите. — Теперь-же, добрые друзья, товарищи и рыцари, я обращаюсь съ небольшою къ вамъ просьбою.

Горацио. Съ какой? на все готовы мы...

Гамлетъ. Не разглашать о томъ, что видѣли вы ночью.

Марцелль и Горацио. Мы общаемъ.

Гамлетъ. Хорошо, но присягните.

Горацио. Честію клянусь своей!

Марцелль. И я — своею!

Гамлетъ. Клянитесь на мечъ моему.

Марцелль. Мы честію поклялись уже.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, мечемъ моимъ клянитесь!

Призракъ (подъ землею).

Клянитесь!

Гамлетъ. Это ты, голубчикъ?

Ха-ха! вы слышали его?

Такъ будьте-же добры поклясться.

Горацио. Что-жъ... приводите насъ къ присягѣ. (переходятъ на другое мѣсто).

Гамлетъ. Клянитесь никогда о томъ, что видѣли не говорить клянитесь на мечъ моему!

Призракъ (подъ землею). Клянитесь!

Гамлетъ. И здѣсь, и тамъ? Тогда мы перемѣнимъ мѣсто. Идите, господа, сюда, — и возложите снова руки на мечъ мой; присягните мнѣ на вѣчное молчаніе о томъ, что видѣли. Клянитесь мечемъ моимъ.

Призракъ (подъ землею). Клянитесь его мечемъ!

Гамлетъ. Ужъ ладно, кротъ! подковы быстро ты подводишь... Друзья, еще разъ отойдите.

Горацио. Неслыханное чудо!

Гамлетъ. Пусть неслыханнымъ оно и будетъ. Есть чудеса межъ небомъ и землею, мой другъ, которыя наукѣ нашей и не спялись. Но къ дѣлу; — здѣсь снова присягните мнѣ, клянитесь, что-бы ни случилось, какъ вамъ-бы страннымъ ни казалось впредь поведеніе мое, — быть можетъ, нужнымъ я сочту разыгрывать шута, — клянитесь: ни разу виду не подаю ни жеста, ни выраженіемъ

лица или словами въ родѣ:
 «Гм... да, мы знаемъ», или: «если-бъ
 мы захотѣли, то могли-бъ»,
 или-жъ: «да! если-бъ вдумалось
 намъ разсказать», или наконецъ:
 «оно извѣстно кой-кому,
 но только»... словомъ — ни единымъ
 намекомъ подозрительнымъ
 не выдать то, что обо мнѣ
 извѣстно вамъ. Клянитесь-же,
 коль дорога вамъ помощь свыше!

Призракъ *(подъ землею)*.

Клявитесь!

Гамлетъ. Успокойся, призракъ.
*(Они присягаютъ, наложивъ руки на обнаженный
 мечъ Гамлета)*.

Итакъ, друзья мои, прощайте...
 И чѣмъ бѣднякъ, какъ я, вамъ можетъ
 любовь и дружбу доказать,
 тѣмъ услужить всегда готовъ я.
 Пойдемте вмѣстѣ. Такъ прошу васъ,
 да будутъ сомкнуты уста! —
 Порвался времени потокъ...
 я проклипаю часъ рожденія,
 въ который предвѣщала мнѣ рокъ
 возстановить его теченье!
(Уходятъ).

АКТЪ II.

Большое помѣщеніе во дворцѣ, со сводами. Видъ на
 террасу и море.

*(Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и
 свита)*.

Король. Мы посѣщали ко двору
 васъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ.
 призвать, нуждаясь въ вашихъ добрыхъ
 услугахъ. Вы уже слышали
 о томъ, какъ измѣнился сынъ нашъ
 Гамлетъ... да, измѣнился, ибо
 ни тѣломъ, ни душой онъ не
 похожъ на то, чѣмъ былъ онъ прежде.
 Одна-ли смерть отца могла
 подѣйствовать такъ на него,
 что самъ съ собою онъ въ разладѣ,
 я разгадать не въ состоянн, —
 и попрошу обоихъ васъ,
 товарищей его по школѣ, —
 оставшихъ при дворѣ у насъ,
 ему доставить развлеченье,
 и, по возможности, провѣдать,
 не мучить-ли его какое-
 нибудь невѣдомое горе,
 чтобъ мы могли, узнавъ, въ чемъ дѣло,
 помочь ему.

Королева.

Онъ вспоминалъ

о васъ нерѣдко, господа,
и я увѣрена, что къ вамъ
онъ болѣ всѣхъ расположенъ.
На ваше пребыванье здѣсь
мы всю надежду возлагаемъ
и никогда, повѣрьте намъ,
услуги вашей не забудемъ.

Розенкранцъ. Ваши величества напрасно
изволите просить: вамъ стоить
лишь приказать.

Гильденштернъ.

Свои услуги

къ столамъ мы царскимъ повергаемъ.

Король. Спасибо, Розенкранцъ — и вамъ.

Королева. Спасибо, Гильденштернъ — и вамъ.

Такъ навѣстите-же его
скорѣй... онъ сильно измѣнился...
Пусть кто-нибудь проводить васъ.

Гильденштернъ. Дай Богъ, чтобы старанья наши
успѣшны были

Королева.

Ахъ, дай Богъ!

(*Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣкоторые изъ
свиты уходятъ*).

(*Входитъ Полоній*).

Полоній. Великій государь! послы
вернулись изъ Норвегii,
весьма довольные собою.

Король. Родитель добрыхъ ты извѣстій!

Полоній. Неправда-ли? О, увѣряю
васъ, государь, я, послѣ Бога,
вамъ преданъ болѣе всего.
И знаете что? я увѣренъ,
что мнѣ (коль тонкое чутье
моимъ мозгамъ не измѣняетъ)
открыть причину удалось

Гамлета помѣшательства.

Король. О, расскажи скорѣе мнѣ!

Полоній. Сперва пословъ примите, а
сюрпризъ мой будетъ на закуску.

Король. Такъ окажи имъ честь и самъ
введи ихъ. (*Полоній уходитъ*).

Милая Гертруда,

онъ говоритъ мнѣ, что ему
открыть причину удалось
разстройства сына твоего.

Королева. Боюсь — она ничто иное,
какъ смерть отца и сѣйшнй бракъ нашъ.

Король. Увидимъ, что онъ сообщитъ намъ.

(*Входятъ Полоній, Вольтимандъ и Корнелій*).

Добро пожаловать, друзья.

Скажи намъ, Вольтимандъ, какія
отъ брата нашего извѣстья?

Вольтимандъ. Король Норвежскій посылаетъ
привѣтъ и пожеланья благъ
Узнавъ о цѣли нашего
посольства, онъ немедленно
приказъ далъ приставить
вооруженія Фортинбраса,
въ которыхъ онъ приготовленъ
къ походу противъ Польши видѣлъ.
Исслѣдовавъ-же дѣло, онъ
дѣйствительно нашелъ, что тутъ
былъ замысль противъ вашего
величества. Ему тѣмъ болѣе
обиднымъ это показалось,
что онъ, больной и дряхлый старецъ,
введенъ былъ въ заблужденіе.
Тотчасъ велѣлъ онъ Фортинбраса
подъ стражу взять и отъ него
сталъ строго требовать отвѣта.

Принесъ повинную племянникъ
и подъ конецъ далъ клятву дядѣ—
не нарушать согласья съ вами.
Король, весьма довольный этимъ,
далъ полномочіе ему
вести войска его на Польшу.

(передаетъ грамоту).

Вотъ грамота, въ которой онъ
къ вамъ съ просьбой обращается —
дозволить пропустить войска
черезъ ваши, государь, владѣнія.
Онъ въ ней готовность изъясняетъ
условіямъ разнымъ подчиниться...

Король. Отлично. На досугѣ мы
просмотримъ и обсудимъ все.
Благодаримъ васъ за усердіе.
Ступайте, отдохните, а
затѣмъ мы приглашаемъ васъ
трапезу съ нами раздѣлить.

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ; по знаку короля свита удаляется въ глубину, на терассу).

Полоній. Ну-съ, это дѣло съ плечъ долой.
Теперь, властители мои,
я думаю, что нужды нѣтъ
вамъ пояснять, зачѣмъ величье
величьемъ названо, зачѣмъ
въ покорности покорность видать,
зачѣмъ днемъ день, а ночью ночь,
а время временемъ зовется.
Все это значило-бъ напрасно
и день, и ночь, и время тратить.
Я буду кратокъ, потому-что
многоглаголюность—звукъ пустой.
Вашъ сынъ помѣшанъ; да, помѣшанъ...

я говорю: помѣшанъ онъ; —
а что есть помѣшательство?
оно не что иное есть,
какъ то, что если кто-нибудь
не иначе... какъ помѣшался.
Положимъ, это ничего...

Королева. Побольше толку, меньше словъ.

Полоній. Тутъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ толкъ.
Помѣшанъ онъ, вотъ дѣло въ чемъ!
и это вѣрно, что помѣшанъ,
и вѣрно то, что это жалъ,
а жалъ, что несомнѣнно вѣрно.
А разъ мы это вѣрно знаемъ,
то намъ причину остается
найти подобнаго эффекта,
или вѣрный дефекта, — такъ какъ
такой эффектъ-дефектъ навѣрно
имѣетъ основаніе.
Да, въ этомъ суть, а дѣло вотъ въ чемъ...
Сообразите:
есть дочка у меня — да, ибо
она моя, ничья иная.
И эта дочка мнѣ по долгу
повиновенія — смотрите —
вотъ что дала... Судите сами:

(вынимаетъ небольшой свертокъ и читаетъ):
«Небесной, идолю души моей, очаровательной Офелии». Глупое, грубое выраженіе: «очаровательной» — грубое выраженіе. Слушайте далѣе *(читаетъ)*: «Посвящается бѣлизнѣ ея чудесной груди»...

Королева. И это ей Гамлетъ послалъ?

Полоній. Терпѣнье, государыня:
я доложу все по порядку *(читаетъ)*:

«Солнца ты не върѣ сиянью,
звѣздъ не върѣ, не върѣ мерцающую,
истинѣ не върѣ святой,—
върѣ любви моей одной!»

«Ахъ, милая Офелія! я плохой стихотворецъ и воздыханьямъ своимъ не умѣю придавать размысла. Но върѣ мнѣ, прелестнѣйшая моя, что я люблю тебя чрезвычайно. Прости... Твой, дорогая моя, на вѣки, пока душа въ немъ орудуешь,
«Гамлетъ».

Вотъ это показала мнѣ,
по чувству долга, дочь моя,
и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ призналась:
когда и гдѣ и какъ онъ ей
въ любви со страстью объяснялся.
А что-жъ она — какъ отнеслась?
(*смотря на него удивленно*).

Король.
Полоній

Меня-то, государь, вы за
кого-же принимаете?
Какъ за кого? за человѣка
почтеннаго и честнаго.

Король.

Полоній.

Гм... чѣмъ-бы доказать вамъ это?..
Что-бы подумали вы, если-бы
я былъ нѣмымъ свидѣтелемъ
всѣхъ этихъ шашней? а вѣдь я
уже подозрѣвалъ ихъ раньше
признанья дочери моей;—
что-бы вы сказали, государь,
и вы, царица, если-бы я
на это посмотрѣлъ сквозь пальцы?
Что-бы вы подумали тогда?
Анъ-нѣтъ! я напрямикъ сказалъ ей:
«Гамлетъ вѣдь *принцъ*, онъ для тебя
«звѣзда недосыгаемая!
«и думать ты не смѣй объ этомъ!»
Затѣмъ я строго наказалъ ей
держаться дальше отъ него,

не принимать ни писемъ, ни
подарковъ. Разумѣется,
она повиновалась мнѣ.
И вотъ нашъ принцъ, отвергнутый,
затосковалъ, затѣмъ онъ сталъ
постыться, а потомъ онъ впалъ
въ бессонницу, ослабъ и сталъ
разсѣянъ, и такъ по ступенкамъ
дошелъ до помѣшательства,
что умъ его такъ омрачилось,
а всѣхъ насъ крайне огорчило.

Король.

Королева.

Полоній.

Ты думаешь, что это такъ?
Возможно, очень можетъ быть.
Бывало-ли хотя-бы разъ —
мнѣ очень любопытно знать, —
когда-бы положительно
я утверждалъ, что «это такъ»,
а вышло-бы совсѣмъ иначе?

Король.

Полоній.

Насколько мнѣ извѣстно — нѣтъ.
(*указываетъ на голову и плечи*).
Вотъ это съ этого снимите,
когда окажется не такъ. —
Коль обстоятельства помогутъ,
я правду выкопаю всю!

Король.

Полоній.

Но какъ-же намъ за дѣло взяться?
Вы знаете, онъ по часамъ
прогуливаться любитъ адѣсь
по галлерей.

Королева.

Полоній.

Это вѣрно.
И вышла дочь свою къ нему,
а въ это время вы и я —
мы спрячемся тамъ за колонной,
и весь подслушаемъ ходъ дѣла, —
и коль окажется тогда,
что не любовь его ума

лишила, то... разжалуйте
меня... въ извошники, въ крестьяне!

Король. Попробуемъ.

(*Входитъ, читая, Гамлетъ*).

Королева. Смотрите, вотъ онъ...

Бѣдняжка грустенъ... онъ читаетъ.

Полоній. Прошу васъ, удалитесь оба:

я съ нимъ заговорю. Позвольте...

(*Король, королева и свита уходятъ*).

Какъ поживаетъ принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Слава Богу, ничего.

Полоній. Узнаете-ли вы меня, принцъ?

Гамлетъ. Какъ-же, въ совершенствѣ. Ты рыбакъ.

Полоній. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высочество.

Гамлетъ. Нѣтъ? такъ желаю тебѣ быть такимъ-же честнымъ.

Полоній. Честнымъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, сударь! честнымъ быть среди этой безтолочи земной — значить избраннымъ быть изъ двухъ тысячъ.

Полоній. Это очень справедливо, принцъ!

Гамлетъ. Ибо, если благотворные луча солнца разводятъ червей въ мертвой собацѣ... у тебя есть дочь?

Полоній. Разумѣется, принцъ.

Гамлетъ. ...то не слѣдуетъ тебѣ пускать ее на солнце. Плоды — благодать свыше: но сохрани, Боже, ее отъ такой благодати! Будь на сторожѣ.

Полоній. То-есть, какъ-же это? (*въ сторону*) Постоянно намекаешь на мою дочь. А между тѣмъ онъ вначалѣ не узналъ меня, принявъ-было за рыбака. Вотъ до чего дошло съ нимъ! А вѣдь, вправду, и меня въ молодости любовь доводила до крайностей, почти такъ-же, какъ и его. Я опять заговорю съ нимъ. — Что это вы читаете, ваше высочество?

Гамлетъ. Слова, слова... слова.

Полоній. О чемъ-же рѣчь идетъ?

Гамлетъ. Съ кѣмъ?

Полоній. Я хочу сказать: о чемъ рѣчь въ книгѣ?

Гамлетъ. Одна клевета, сударь. Этотъ смѣхотворъ утверждаетъ, что у стариковъ бороды сѣдыя, что лица у нихъ въ морщинахъ, изъ глазъ течетъ слеза, что у нихъ изобиліе въ недостаткѣ остроумія, да къ тому же, будто они хромаютъ на обѣ ноги. Хотя собственно я внутренно и твердо убѣжденъ въ этомъ, но все-же нахожу, что писать о томъ не слѣдуетъ, потому-что вотъ вы сами, сударь, навѣрно-бы достигли моего возраста, если-бы были въ состояніи паче, какъ ракъ.

Полоній (*въ сторону*). Хотя и вздоръ, но есть система. (*громко*) Не выйдете-ли вы на воздухъ, принцъ?

Гамлетъ. Въ мою могилу.

Полоній. Ну ужъ это было-бы съ вѣтру. (*въ сторону*)

Какъ иногда удачны бываютъ у него отвѣты. Это еще счастье, что въ помѣшательствѣ бываетъ подчасъ нѣчто, въ чемъ здравый разсудокъ терпитъ неудачу. Я оставлю его и постараюсь уладить между нимъ и моею дочерью печальную встрѣчу. — Ваше высочество, прошу прощенья.

Гамлетъ. Просите все, чего хотите. Я ничѣмъ такъ охотно не пожертвую, какъ жизнью, какъ жизнью, какъ жизнью!

Полоній. Мое почтеніе (*идетъ*).

Гамлетъ. Надоѣли мнѣ старые дураки!

(*Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Полоній. Вы принца ищете, Гамлета?

Онъ тамъ.

Розенкранцъ. Благодарю васъ, сударь.

(*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Ваше высочество...

Розенкранцъ. Почтеннѣйшій принцъ..

Гамлетъ. Мои дорогіе, превосходнѣйшіе друзья! Ну, что ты подѣливаешь, Гильденштернъ? А, Розенкранцъ! Славные малые! какъ вы поживаете?

Розенкранцъ. Да какъ людямъ средней руки живется на свѣтѣ.

Гильденштернъ. Мы счастливы тѣмъ, что не слишкомъ счастливы, что не на высотѣ счастья.

Гамлетъ. Но и не подѣ подошвою его.

Розенкранцъ. И это — ни въ какомъ случаѣ.

Гамлетъ. Значить, середка на половинкѣ, то-есть въ самомъ центрѣ благорасположенія Фортуны?

Гильденштернъ. Дѣйствительно, мы съ нею въ ладу.

Гамлетъ. Значить, вы обрѣтаетесь на лонѣ счастья.

Смотрите, Фортуна на любовь неразборчива. Ну-съ, что новаго?

Розенкранцъ. Ничего, принцъ, кромѣ развѣ того, что свѣтъ становится честнымъ.

Гамлетъ. Быть, значить, свѣтопреставленію. Но ваша новость несправедлива. Я вамъ задамъ болѣе точный вопросъ: скажите, чѣмъ это вы Фортуны не угодили, что она направила васъ сюда, въ тюрьму?

Гильденштернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Давія — тюрьма.

Розенкранцъ. Тогда и весь свѣтъ тюрьма.

Гамлетъ. Роскошная тюрьма съ разными отдѣленіями, участками и трущобами. А Давія — одна изъ худшихъ.

Розенкранцъ. Мы такъ не думаемъ, принцъ.

Гамлетъ. Значить, для васъ она не такова. Ничто само по себѣ ни хорошо, ни дурно, чрезъ размышленіе оно становится такъ или иначе. Для меня Давія тюрьма.

Розенкранцъ. Изъ-за честолюбія, принцъ: въ ней нѣтъ простора вашимъ высокимъ стремленіямъ.

Гамлетъ. Ахъ, Господи! заprite меня въ орѣховую скорлупу, и я готовъ считать себя царемъ безконечнаго пространства, если-бы... не сны ужасные мои!

Гильденштернъ. Вотъ эти сны-то и есть честолюбіе, ибо честолюбіе въ сущности есть отраженіе, тѣнь сна.

Гамлетъ. Сонъ самъ лишь тѣнь.

Розенкранцъ. Разумѣется, а честолюбіе представляется мнѣ такого воздушнаго, призрачнаго свойства, что оно не болѣе, какъ тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ нищія у насъ являются тѣлами, а властители и вздутые герои — ихъ тѣнью. Не пойти-ли намъ ко двору? Вы видите — разсуждать я, кажись, разучился.

Оба. Мы къ вашимъ услугамъ...

Гамлетъ. Нѣтъ, ужъ позвольте, я ни-за-что не причислю васъ къ своимъ слугамъ, ибо, какъ честный человѣкъ говорю, мои прислужники у меня вотъ гдѣ сидятъ! Но скажите мнѣ лучше *по дружбѣ*, по какимъ это дѣламъ вы здѣсь, въ Гельсингбуръ?

Розенкранцъ. Мы намѣревались навѣстить васъ, принцъ: вотъ вся наша цѣль.

Гамлетъ. И мнѣ, нищему, не хватаетъ даже средствъ на спасибо. Но какъ-бы тамъ ни было, благодарю васъ, и будьте увѣрены, дорогіе друзья мои, что эта благодарность моя все-таки дороже... на подушку. — За вами не посылали? Вы здѣсь по собственному своему побужденію? Вы добровольно рѣшились на эту поѣздку? Смотрите, отвѣчайте мнѣ откровенно. Итакъ, говорите. — Ну-же!

Гильденштернъ. Вамъ угодно, принцъ, чтобы мы сказали — что именно?

Гамлетъ. Ну, что-нибудь. Но къ дѣлу. За вами послали; въ вашихъ глазахъ нѣчто выдаетъ васъ, а вашей скромности никакъ не изловчиться закрасить это «нѣчто». Я знаю — добрый король и королева послали за вами.

Розенкранцъ. Съ какой стати, принцъ?

Гамлетъ. Вотъ именно это я и хочу узнать отъ васъ. Закинула васъ нашею школьною дружбою, памятью о счастливо проведенныхъ дняхъ юности, наконецъ всѣмъ тѣмъ, что для васъ всего дороже, — будьте со мною откровенны: говорите, послали-ли за вами, или нѣтъ?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*). Что ты скажешь?

Гамлетъ (*въ сторону*). Ну, вотъ я и поймалъ васъ. (*громко*) Если вы меня любите, не уклоняйтесь.

Гильденштернъ. Принцъ, за нами послали.

Гамлетъ. И я скажу вамъ — почему; такимъ образомъ мое открытіе предупредить ваше признаніе, а ваша скромность по отношенію къ королю и королевѣ ничуть не пострадаетъ. — Съ нѣкоторыхъ поръ — не знаю почему — я совсѣмъ утратилъ веселый характеръ свой, оставилъ обычные упражненія, и, въ самомъ дѣлѣ, я нахожусь въ такомъ грустномъ расположеніи духа, что земля, это чудное строеніе, мнѣ кажется не болѣе, какъ голою скалою. Воздухъ, величественное небо съ его звѣздами, все представляется мнѣ какъ-бы въ туманѣ, насыщенномъ мiasмами. Какое замѣчательное созданіе — человѣкъ! Одинъ разумъ его чего стѣбитъ! Какъ безконеченъ онъ въ своихъ способностяхъ! Сколько удивительной прелести въ его формахъ и движеніяхъ! Въ поступкахъ и разумѣніи онъ вѣдь подобенъ высшимъ, неземнымъ существамъ. Краса міра! Первообразъ всего живущаго. И всё-же, что

для меня эта квинтэссенція праха! Не радуется меня мужчина, а тѣмъ паче и женщина... (*Розенкранцу*) Ты улыбаешься! неужели ты не вѣришь?

Розенкранцъ. Принцъ, я и не думалъ...

Гамлетъ. Зачѣмъ-же ты усмѣхнулся, когда я сказалъ: не радуется меня мужчина?

Розенкранцъ. Я подумалъ, что если такъ, то какое-же постное угощеніе ожидаетъ актеровъ, которыхъ мы настигли по дорогѣ. Они намѣрены явиться сюда, чтобы предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Играющаго короля — милости просимъ. Его величеству я готовъ отдать должную дань. Странствующему рыцарю придется съ выгодною воспользоваться своими доспѣхами, а любовнику — его воздыханія даромъ не обойдутся. Что это за труппа?

Розенкранцъ. Та самая, которая, бывало, вамъ доставляла столько удовольствія. Столичная труппа.

Гамлетъ. Неужели? (*звукъ трубы за сценой*).

Гильденштернъ. А вотъ какъ разъ и актеры.

Гамлетъ. Ну-съ, въ такомъ случаѣ, господа, очень радъ васъ видѣть здѣсь, въ Гельсингбурѣ. Ваши руки. Вотъ такъ: принадлежность привѣтствія — поклоны и комплименты (*вѣжливо раскланивается*). Позвольте васъ такимъ манеромъ привѣтствовать, чтобы ласковое обращеніе мое съ актерами въ вашихъ глазахъ далеко уступало обхожденію моему съ вами. Итакъ, добро пожаловать. Но... по мой дядюшка-батюшка и моя тетунка-матушка жестоко заблуждаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ, дорогой принцъ?

Гамлетъ. У меня только при сѣверо-сѣверо-западномъ вѣтрѣ голова не на мѣстѣ; коль скоро вѣтеръ съ юга, я муху отъ слона отличить въ состояніи.

(*Входитъ Полоній*).

Полоній. Будьте здоровы, господа.

Гамлетъ. Слушай, Гильденштернъ, и ты также, на-
вострите уши *(указываетъ на Полонія)*: смотри-
те — взрослый молокососъ, а не вышелъ еще изъ
пеленокъ.

Розенкранцъ. Быть можетъ, онъ снова попалъ туда-
же, вѣдь говорятъ-же, что старики впадаютъ въ
ребячество.

Гамлетъ. Я предвѣщаю — онъ явился сообщить намъ
объ актерахъ; замѣчайте! — Совершенно вѣрно,
сударь, это произошло въ понедѣльникъ утромъ.

Полоній *(съ поклономъ)*. Милостивѣйшій государь, я
къ вамъ съ новостями.

Гамлетъ *(съ поклономъ)*. Милостивѣйшій государь, я
къ вамъ съ новостями. *(декламируя)*

«Актеръ великій Россіи ѣдетъ въ Римъ».

Полоній. Актеры приѣхали, ваше высочество.

Гамлетъ. Ой-ли! *(насмѣстываетъ)*.

Полоній. Увѣряю васъ...

Гамлетъ. «...и каждый на ослѣ актеръ за нимъ!»

Полоній. Лучшіе актеры во всемъ мірѣ, для траге-
дій, комедій, историческихъ, пастушескихъ, пасту-
шески-комическихъ, историко-пастушескихъ, тра-
гико-историческихъ, трагико-комико-историко-па-
стушескихъ драмъ, какъ для отдѣльныхъ сценъ,
такъ и для непрерывныхъ декламаций: Сенека —
по части трагизма, а Плавтъ — по части комизма,
имъ въ подметки не годятся, а что касается им-
провизаций, такъ тутъ ужъ всякій спасуетъ!

Гамлетъ. «Правосудный Іефай», что за сокровище у
тебя!

Полоній. Что у него за сокровище, принцъ?

Гамлетъ. А вотъ:

Ахъ, имѣлъ одну лишь дочь онъ
и любилъ ее онъ очень!

Полоній *(въ сторону)*. Все о дочери моей.

Гамлетъ. Ну, не правъ-ли я, старый Іефай?!

Полоній. Если по вашему я Іефай, то у меня кстатѣ
есть и дочка, въ которой я души не чаю.

Гамлетъ. Оно изъ того вовсе не слѣдуетъ.

Полоній. А что-же изъ того слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. А вотъ что:

Видно такъ ужъ быть должно,
какъ судьбою рѣшено...

а далѣе ужъ знаешь:

Что произошло затѣмъ,
какъ день Божій, ясно всѣмъ.

объ остальномъ самъ наведи справку, ибо вотъ
оно — словъ моихъ сокращеніе.

*(Входятъ нѣсколько актеровъ, между которыми
одинъ мальчикъ).*

Добро пожаловать, господа артисты, добро пожа-
ловать! — Очевъ радъ видѣть тебя! здравствуйте,
добрые друзья мои. А, старый пріятель, ужъ не
отпускаешь-ли ты бороду? Надѣюсь, въ ней ты бор-
молотъ не станешь. *(мальчику)* А вотъ и моя юная
красавица-дамочка! Клянусь прекраснымъ поломъ,
ваша женственность изволяли, съ тѣхъ поръ, какъ
я васъ въ послѣдній разъ видѣлъ, на цѣлый ка-
блукъ приблизиться къ потолку. Надѣюсь — съ го-
лоса вы не спали, и онъ вдругъ не сталъ звучать
у васъ, какъ надтреснутая монета. Всѣ арти-
сты — добро пожаловать. Ну-съ, давайте представ-
лять соколиную охоту: полетите за дичью, какая-
бы ни попалась! И сію минуту-же! Покажите намъ
образчикъ вашего искусства. Напримѣръ: трогат-
ельную рѣчь.

1-й актеръ. Какую рѣчь, ваше высочество?

Гамлетъ. Я помню, ты читалъ разъ монологъ изъ
комедіи, которая ни разу на сценѣ не шла, впро-
чемъ, если и шла, то всего одинъ разъ, такъ

какъ — теперь припоминаю — толпѣ она не понравилась. Но мнѣ, какъ и нѣкоторымъ лицамъ, сужденія которыхъ по этой части я ставлю выше своихъ, она показалась превосходною пьесой со стройнымъ развитіемъ дѣйствія и написанною съ соблюденіемъ предѣловъ изящнаго и опытности. Въ особенности же въ ней понравился мнѣ рассказъ Энея Дидонѣ, то мѣсто именно, гдѣ говорится объ убійствѣ Пріама. Если ты не забылъ, то начини вотъ съ этой строки... Постою, стой...

Суровый Пирръ подобно львамъ гирканскимъ... нѣтъ, я ошибся; но оно начинается Пирромъ.

Суровый Пирръ, чьи мрачные доспѣхи, подобно чернымъ замысламъ его, на ночь ужасную ту походили, въ которую въ конѣ скрывался онъ, принесемъ столько горя Илліону, — весь кровію Троянъ былъ обогрѣнъ, когда съ огнемъ въ груди и страшнымъ гнѣвомъ въ погоню за Пріамомъ онъ пустился.

Теперь продолжай.

Полоній. Ей-Богу, принцъ. Превосходно прочитано. Съ чувствомъ и достоинствомъ.

1-й актеръ. И вотъ его онъ вскорѣ постигаетъ. Владѣть мечемъ не въ состоянн старецъ, и Пирръ бросается ужъ на него. Отъ взмаха лишь меча упалъ Пріамъ, и съ нимъ огнемъ обятый Илліонъ, казалось, почувствовалъ ударъ: горящихъ зданій трескъ вдругъ поражающъ слухъ Пирра; мечъ его, готовый пасть на голову почтеннаго Пріама, остановился въ воздухѣ, и вотъ стоитъ злодѣй окаменѣлымъ, словно статуя, неподвижно... — Но какъ бываетъ часто предъ грозою: на небесахъ и на землѣ молчанье, повсюду тишь, не шелохнется листъ, — какъ вдругъ со страшной силой грянетъ громъ, —

такъ и за симъ медлительнымъ мгновеніемъ Пирръ, мщеніемъ горя, опомнился... Онъ опускаетъ мечъ... Ахъ, никогда циклоповъ млатъ такъ не разилъ ужасно, какъ сей булатъ Пріама поразилъ! Фортуна, ты слѣпа! Поворъ и стыдъ! Власть у нея, о боги отнимите и колесо ея въ Аидъ скатите!

Полоній. Оно слишкомъ длинно.

Гамлетъ. Такъ къ цирюльнику его съ твоей бородой! — Прошу тебя, продолжай. Ему-бы по части клубнички, не то оно заснетъ. Дальше, перейди теперь къ Гекубѣ...

1-й актеръ. Но если-бы кому пришлось узрѣть увѣ! покураждѣтую Гекубу...

Гамлетъ. Подураждѣтую Гекубу?

Полоній. Это недурно. «Подураждѣтую Гекубу» — очень недурно.

1-й актеръ. ...босую, какъ она потокомъ слезъ залить пожаръ грозила Илліона, — кто-бы несчастную царя супругу узрѣлъ въ лохмотьяхъ, какъ она металась, стонала и о помощи вывала, — ахъ, тотъ-бы бранью дикой разразился, коря Фортуны подлою измѣной! А если-бы съ Олимпа сами боги взоръ обратили на неѣ въ тотъ мигъ, когда безжалостнаго Пирра мечъ такъ страшно поразилъ Пріама-старца: крикъ, вырвавшійся изъ груди Гекубы, (коли земное не совсѣмъ имъ чуждо), заставилъ-бы ихъ очи прослезиться, а сердце состраданія исполнить.

Полоній. Взгляните-ка, и онъ самъ какъ будто въ лицѣ измѣнился, а на глазахъ слезы. Прошу тебя, не продолжай.

Гамлетъ. Будетъ. Потомъ ты мнѣ доскажешь остальное. — (Полонію) Милостивый государь, не угодно ли вамъ озаботиться объ угощеніи актеровъ. По-

старайтесь, чтобы они были приняты радушно, ибо они представляют собою, так сказать, краткое извлечение, или перечень въковыхъ событий. Вѣдь вамъ было-бы пріятнѣе заслужить плохую эпитафію послѣ смерти, нежели при жизни стать мишенью для ихъ злословія.

Полоній. Я постараюсь, принцъ, чтобы они были приняты по достоинству.

Гамлетъ. Чортъ побери! лучше, лучше! Если всѣхъ принимать по достоинству, кто-бы избѣгъ кнута? Примите ихъ по собственному своему достоинству. Чѣмъ менѣе они того заслуживаютъ, тѣмъ болѣе оцѣнится ваша доброта. Возьмите ихъ съ собой.

Полоній. Пойдемте, господа.

Гамлетъ. Ступайте за нимъ, друзья. Завтра мы посмотримъ пьесу. *(Полоній и актеры, кромѣ 1-го, уходятъ; вполголоса послѣднему)* Постой, старый пріятель. Можете-ли вы сыграть «убійство Гонзаго»?

1-й актеръ. Какъ же, ваше высочество.

Гамлетъ. Такъ завтра вечеромъ представьте намъ эту пьесу. А если-бы понадобилось, могли-бы вы выучить наизусть дюжину стиховъ, которые я намѣренъ составить и вписать въ комедію? Можете?

1-й актеръ. Можемъ, ваше высочество.

Гамлетъ *(въ сторону)*. Превосходно! *(громко)* Теперь ступай за ними — и смотри! надъ старикомъ не подтрунивать! *(1-й актеръ уходитъ; Гильденстерну и Розенкранцу)* Добрые друзья мои, расстаюсь съ вами до вечера. Очень радъ видѣть васъ въ Гельсингерѣ.

Розенкранцъ. До свиданія, принцъ *(уходитъ вмѣстѣ съ Гильденстерномъ)*.

Гамлетъ. Прощайте. — Наконецъ одинъ.

О, Боже, какъ ничтоженъ я!
Возможно-ли, чтобъ комедьянтъ,
поддѣльной страстью увлеченный, —
плодомъ фантазіи одной
схумель свою такъ душу тронуть,
что отъ движенія ея
въ лицѣ совсѣмъ онъ измѣнился:
покрылось блѣдностью оно,
и слезы на глазахъ сверкнули,
а голосъ дрогнулъ... И все это
изъ-за чего? Изъ-за Гекубы!
Ну что, ну что ему Гекуба?!
что онъ ей? стоить-ли тутъ плакать?
Что сдѣлалось-бы съ нимъ, когда-бъ
онъ къ проявленію страстей
былъ вызванъ тѣмъ, что я скрываю?
Онъ залилъ-бы подмостки всѣ
слезами, — громовою рѣчью
потрясъ-бы слушателей всѣхъ, —
убійцу-бы лишилъ разсудка, —
привелъ-бы въ трепетъ неповинныхъ
и всѣхъ ошеломилъ-бы онъ!
А я — какая тряпка, соня!
я собственного дѣла къ сердцу
не принимаю и молчу!
промолвить слова я не въ силахъ
за короля, котораго
ограбили, всего лишили!...
Но нѣтъ! пора за дѣло взяться...
Подумать нужно... поразмыслить...
Случалось, говорятъ, что люди,
которыхъ совѣсть нечиста,
бывали такъ потрясены
изображеніемъ на сценѣ
злодѣяства, что въ своемъ проступкѣ

они тотчасъ-же признавались:
хотя безъ языка убійство,
по голосу его чудотворенъ!
Такъ пусть-же наши комедянты
изобразятъ намъ нѣчто въ родѣ
убійства моего отца
и этимъ дядю позабавятъ:
я буду наблюдать за нимъ,
проникну до мозга костей:
опѣшить онъ — и мнѣ довольно! —
Кто знаетъ, можетъ быть, лукавый,
явившись въ образѣ отца
и пользуясь моею тоскою,
меня смущаетъ на погибель...
Улика мнѣ нужна, въ которой
не можетъ быть сомнѣнія!
И средство въ зрѣлищѣ я вижу
заставить совѣсть дяди — живо
заговорить краснорѣчиво! (*уходитъ*).

(*Входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія съ книгой въ рукахъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Король. И не могли вы попытаться
случайнымъ оборотомъ рѣчи,
чѣмъ именно разстроены онъ?

Розенкранцъ. Онъ признается самъ вполнѣ
въ упадкѣ духа своего,
но о причинѣ онъ молчитъ.

Гильденштернъ. Онъ неподатливъ на разпросы,
и каждый разъ, когда, казалось,
онъ выдастъ тайну намъ свою,
онъ неожиданно и ловко,
къ словамъ безумнымъ прибѣгая,
отъ самой сути уклонялся.

Королева. А какъ онъ принялъ васъ?

Розенкранцъ.

Совсѣмъ,

какъ подобаетъ рыцарю.

Гильденштернъ. Но съ явно напускнымъ весельемъ.
Розенкранцъ. Самъ на вопросы онъ былъ скупъ,
но отвѣчалъ намъ очень щедро.

Королева. Не предлагали вы ему
развлечься чѣмъ нибудь?

Розенкранцъ. Намъ кетати
пришлось настигнуть по дорогѣ
актеровъ, государыня,
о чемъ ему мы доложили,
и онъ, казалось, этой вѣстью
какъ будто очень былъ доволенъ.
Затѣмъ онъ ихъ любезно принявъ
и завтра вечеромъ велѣлъ имъ
играть въ присутствіи его.

Полоній. Такъ точно. Мнѣ-же, коль не вру,
онъ поручилъ васъ, государь,
и васъ, царица, пригласить
взглянуть на это представление.

Король. О, съ удовольствіемъ! Я очень
доволенъ тѣмъ, что онъ наклонность
почувствовалъ къ такой забавѣ.
Такъ, господа, и впредь старайтесь
въ немъ поощрять стремление это.

Розенкранцъ. Всегда готовы, государь.
(*уходитъ съ Гильденштерномъ*).

Король. Теперь оставь, Гертруда, насъ.
Гамлету мы тайкомъ велѣли
сказать, чтобы онъ пришелъ сюда.
Онъ здѣсь какъ-бы случайно встрѣтитъ
Офелію. Ея отецъ
и я, лазутчики по праву,
мы встаемъ такъ, что будетъ намъ,
невидимымъ, все видно здѣсь —
все, что производѣтъ во время

свиданья. А затѣмъ нетрудно намъ будетъ и судить о томъ, является-ль любовь причиной его страданій, или нѣтъ?

Королева. Сейчасъ иду. Что-жъ до тебя, Офелія, то я желаю, чтобъ поводомъ къ его болѣзни явилась красота твоя: тогда польшусь надеждой я, что добродѣтели твои на истинный его направятъ путь — къ обоюдной вашей чести.

Офелія. О дай Богъ, государыня!

(Королева уходитъ).

Полоній. Офелія, будь адѣсь vicino. Коль вамъ угодно, государь, мы отоидѣмъ теперь въ сторонку. *(Офелія)* Утки носъ въ книгу. Это пусть послужитъ маской твоему уединенію. Ахъ, да! за нами водится грѣшокъ: нерѣдко ханжествомъ мы чорту заговорить умѣемъ зубы!

(идетъ къ дверямъ и закладываетъ туда).

Король *(въ сторону).* Увы! какая истина! что острый ножъ для совѣсти моей! Румяны женщины безстыдной на ея щекѣ не гадостиѣ льстивыхъ словъ, скрывающихъ поступокъ мой.

Полоній *(возвращается къ королю).* Онъ приближается, — пойдемте. *(прячутся за колонной; Офелія садится въ кресло и какъ-бы улубляется въ чтеніе).*

(Входитъ Гамлетъ, не замѣчая Офелію).

Гамлетъ. Жизнь или смерть? Достойнѣй-ли сносить удары роковые, или разомъ отразить ихъ и покончить съ бездною терзавій? Вѣдь смерть есть сонъ — не болѣе! и если знать, что съ этимъ сномъ придетъ конецъ врожденнымъ мукамъ, какъ не стремиться намъ къ нему! покончить съ жизнью... и заснуть... Заснуть! и сны, быть можетъ, видѣть? вотъ преткновеніе!... Сны какіе насъ въ вѣчномъ снѣ тревожить будутъ, когда съ себя мы свергнемъ это ярмо житейской суеты? Да! вотъ что понуждаетъ насъ терпѣть до старости невзгоды! Иначе кто рѣшился-бы переносить все то, что стало посмѣшищемъ, бичѣмъ вѣковъ: и притѣсненія и своеволю, отвергнутой любви мученья, надменность властью облеченныхъ, пренебреженіе къ заслугамъ, — когда одинъ ударъ князя насъ въ состояніи успокоить? Кто помирился-бы иначе со всѣми тягостями жизни? Лишь страхъ предъ чѣмъ-то послѣ смерти, предъ той невѣдомой страной, отколы никто не возвращался, смущаетъ насъ, и мы скорѣе изъ двухъ золъ выбираемъ то, что намъ извѣстно. Совѣсть наша быть трусами насъ побуждаетъ;

рѣшимость уступаетъ мѣсто
раздумію, и замыселъ
нашъ обращается въ ничто. —
(замѣчаетъ *Офелію*)

Прелестная *Офелія*. —
Ахъ, нимфа! помняи мои
въ своихъ молитвахъ прегрѣшенія...

Офелія (встаетъ).

Здоровы-ли вы, принцъ, съ тѣхъ поръ?...

Гамлетъ. Благодарю, здоровъ, здоровъ.

Офелія. Принцъ, я давно уже хотѣла
вамъ возвратить —, что вы мнѣ дали
на память. Вотъ оно, возьмите.
(хочетъ передать ему книгу).

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ. Я ничего вамъ не далъ.

Офелія. Ахъ, принцъ! мнѣ хорошо извѣстно:
вы подарили со словами,
которыя мнѣ драгоценнѣйшій
подарка были. Но они
забыты вами. Такъ прошу васъ:
примите-же его обратно.
Не милъ онъ мнѣ безъ доброты
дарителя. Возьмите, принцъ...

Гамлетъ. Ха, ха! скажи мнѣ, ты невинна?

Офелія. Ваше высочество...

Гамлетъ. И прекрасна?

Офелія. Принцъ, я не понимаю васъ...

Гамлетъ. Если невинна и прекрасна, то пусть твой
добродѣтель чуждается красоты твоей.

Офелія. Что-же болѣе подходитъ къ красотѣ, какъ
не добродѣтель?

Гамлетъ. Конечно, ибо скорѣе власть красоты под-
вергнетъ добродѣтель соблазну, нежели сила добро-
дѣтели сдѣлаетъ ей подобной красотѣ. Прежде это
считалось противнымъ здравому смыслу, совреме-

немъ-же оно подтвердилось. — Я тебя любилъ од-
нажды...

Офелія. Дѣйствительно, принцъ, вы давали мнѣ по-
водъ вѣрить тому.

Гамлетъ. Напрасно, тебѣ не слѣдовало вѣрить: ибо
добродѣтель не настолько прививается къ нашей
закоренной природѣ, чтобы отъ послѣдней ничего
въ насъ не осталось. Я не любилъ тебя.

Офелія. Тѣмъ болѣе я была обманута.

Гамлетъ. Ступай-ка въ монастырь. Къ чему тебѣ
разводить грѣшниковъ? Вотъ я еще не совсѣмъ
лишенъ добродѣтели, а всё-же могъ-бы покаяться въ
такихъ грѣхахъ, что лучше-бы было, если-бы не
родила меня мать. Я горделивъ, мстителенъ, често-
любивъ; за мною столько проступковъ, что не хва-
таетъ ни памяти ихъ припомнить, ни воображенія
ихъ себѣ представить, ни времени ихъ выполнить!
Къ чему-жъ такимъ молодцамъ, какъ я, пресмы-
каться между небомъ и землею? Мы сущіе него-
дяи, всё! никому не довѣрай! Иди своею дорогой...
въ монастырь! (идетъ, но приблизившись къ две-
рямъ оборачивается и замѣчаетъ намыврав-
шихся выйти изъ засады короля и *Полонія*,
которые тотчасъ-же скрываются. *Гамлетъ* воз-
вращается къ *Офеліи*, упрямю). Отецъ твой —
гдѣ?

Офелія. Дома, ваше высочество.

Гамлетъ. Такъ пусть-же заперуть за нимъ двери,
чтобъ онъ нигдѣ не разыгрывалъ шута, какъ только
у себя дома. Прощай.

Офелія. О, Боже милостивый, не оставь его!

Гамлетъ. Если ты замужъ пойдешь, то вотъ тебѣ въ
приданое проклятіе: будь чиста, какъ ледъ, — бѣла
какъ снѣгъ, а всё-же отъ злыхъ языковъ не уйдешь!
Ступай въ монастырь... Прощай!.. Или-же, если

ужь тебѣ такъ хочется замужъ, то возьми дурака, ибо мужьямъ съ умомъ вѣдь слишкомъ хорошо извѣстно, что за чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Въ монастырь! ступай! и скорѣе! Прощай.

Офелія. Силы небесныя, образуйте его!

Гамлетъ. Я успѣлъ-таки ознакомиться съ вашею братіею, и съ меня довольно! Богъ далъ вамъ наружность, а вы хотите пересоздать её: вамъ-бы только кривляться да жеманиться! вы лепечете, точно младенцы и все и вся обзываете по своему! какъ будто по наивности! Пойдите! будетъ съ меня. Я помѣшался на этомъ! Я говорю: мы знать ничего не хотимъ про женитбу: кто женатъ уже, всѣмъ, *кромя одного*, даруется жизнь, — остальные — ни-ни! не смѣть жениться! Въ монастырь! ступай! *(уходитъ)*.

Офелія. Ахъ, помутился разумъ дивный! Пропало всё, что такъ чудесно судьба соединила въ немъ: ученость, благородство, доблесть! Прости, цвѣтъ и надежда царства! всему конецъ! И мнѣ несчастной, внимавшей его клятвамъ, мнѣ все это видѣть суждено — и пережить всё то, что было — и испытать, что стало нынѣ!

(Входятъ: Король и Полоній).

Король. Любовь? она тутъ не при чѣмъ; и какъ-бы ни были нескладны слова его, но на безумство они не походили вовсе. Въ его душѣ таится вѣчто, что на него тоску наводитъ и заставляетъ умъ работать: а порожденіе его,

боюсь, вамъ можетъ быть опаснымъ. Во избѣжаніе сего я принялъ быстрое рѣшеніе — Гамлета въ Англію отправить; пусть тамъ расчеты онъ уладитъ по незаплатенной намъ дани. Быть можетъ, впечатлѣнія страны невиданной и море развѣютъ у него то «нѣчто», чѣмъ умъ его такъ озабоченъ. Какъ полагаешь ты, Полоній?

Полоній. Оно ему полезно было-бъ.

Но всё-жъ, я думаю, начало, то-есть происхожденіе тоски — несчастная любовь. Ну, дочка, мы тебя избавимъ отъ пересказа словъ его: мы слышали всё. — Государь, какъ вамъ угодно, поступайте: — но, можетъ быть, вы согласитесь, чтобъ королева попыталась наединѣ съ нимъ объяснитьсь: и если ей, какъ матери, добиться правды не удастся, то въ Англію его пошлите, или въ заключеніе — какъ хотите. Да будетъ такъ.

Король.

Безумцы высшаго разбора гулять не смѣютъ безъ надзора. *(Уходятъ)*.

АКТЪ III.

СЦЕНА I.

Залъ первой сцены первого дѣйствія, ярко освѣщенный свѣтильниками. Съ лѣвой (отъ оркестра) стороны (паралельно и по ту сторону діагонали) устроена эстрада съ театральными подмостками, которые закрыты спущенною занавѣсью. Королевскій тронъ, отъ котораго идетъ по кривой линіи къ оркестру рядъ креселъ, находится такимъ образомъ близъ конца эстрады въ глубинѣ. Близъ другого конца эстрады насупротивъ (по діагонали) трона — всего нѣсколько креселъ (одно изъ нихъ, ближайшее къ оркестру, для Офеліи).

(Гамлетъ сидитъ на одномъ изъ креселъ. Актеры стоятъ посрединѣ. Гораціо стоитъ позади Гамлета).

Гамлетъ. Замѣтьте: эти слова должны быть произнесены плавно безъ запинки; если-же вы станете выкрикивать ихъ подобно многимъ актерамъ, то мнѣ стихи мои неменѣе пріятно будетъ слышать въ устахъ разносчика. Рукамъ слишкомъ воли не давайте, а будьте въ движеніяхъ изыщны, ибо среди потока, бури, даже, позволю себѣ выразиться, вихря страстей, необходимо умѣть обуздывать себя и не переступать предѣловъ изыскаго. О, меня ужасно раздражаетъ лицемеріе на сценѣ растрѣпаннаго верзилы, терзающаго страсть въ клочки, въ лохмотья, дабы оглушить невѣжественную толпу, воспримчивую по большей части ни къ чему иному, какъ къ трескотнѣ и грубымъ тѣлодвиженіямъ. Прошу васъ, избѣгайте этого.

1-й актеръ. Ручаюсь за это, ваше высочество.

Гамлетъ. Но и не будьте слишкомъ вялы, а слѣдуйте внушенію собственнаго художественнаго чувства: пусть мимика соответствуетъ слову, а слово — мимикѣ; въ особенности старайтесь держаться въ предѣлахъ естественности, ибо что неестественно — ничего общаго не имѣетъ съ драмою, цѣль которой, вначалѣ и нынѣ, была и есть: представить при роду словно въ зеркалѣ: показать добродѣтели ея свойства, пороку — его изображеніе, а духу и плоти времени — отпечатокъ ихъ собственныхъ очертаній. Пересоль или недосоль, въ этомъ отношеніи, можетъ развеселить невѣжду, но на человѣка разсудительнаго произведетъ лишь непріятное впечатлѣніе, а сужденіе послѣдняго должно въ вашихъ глазахъ имѣть болѣе вѣсу, нежели оцѣнка всей толпы остальныхъ зрителей. О! мнѣ приходилось видѣть актеровъ, которыхъ много высоко превозносили, но которые, да позволено будетъ мнѣ выразиться, ни интонаціей голоса, ни походкой не походили ни на христіанъ, ни на язычниковъ, ни вообще на людей, а такъ кривлялись и завывали, что мнѣ казалось, будто человѣкъ — издѣліе ремесленника, да къ тому-же неудавшееся: такъ мерзко они подражали человѣчеству!

1-й актеръ. Надѣюсь, что у насъ это до нѣкоторой степени вывелось.

Гамлетъ. О, выведете это совсѣмъ вонъ! Пусть комки ваши не вставляютъ своихъ словъ въ роли; вѣдь бывають-же такіе, которые, чтобы разсмѣнить нѣсколько пустыхъ головъ, сами ухмыляются, не смотря на то, что въ данный моментъ требуется сосредоточеніе вниманія зрителей для уясненія извѣстнаго положенія въ пьесѣ. Это гадко,

такъ какъ доказываетъ ничтожѣйшее самолюбіе пользующихся подобными пріемами *(встаетъ)*. Ступайте, пора приготовляться.

(Актеры уходятъ).

(Входятъ: Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ).
Гамлетъ *(Полонію)*. Ну-съ, сударь, желаетъ-ли король прослушать комедію?

Полоній. Да, принцъ, и королева также, и немедленно.

Гамлетъ. Такъ поторопите актеровъ. *(Полоній уходитъ)*. А вы, друзья, пособите ему торопить ихъ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Слушаемъ, принцъ.
(Оба уходятъ).

Гамлетъ. Горацио!

Горацио. Я здѣсь, къ услугамъ вашимъ, принцъ.

Гамлетъ *(подаетъ ему руку)*.

Горацио, лишь на твое
я полагаюсь безпристрастье.

Горацио. О, принцъ...

Гамлетъ. Не думай, что я льщу:
какихъ мнѣ благъ ждать отъ тебя,
когда весь твой насущный хлѣбъ
въ веселомъ нравѣ состоитъ?
къ чему-же лстать мнѣ бѣдняку?
Нѣтъ, пусть медоточивыя
уста къ мишурному льнутъ блеску,
пусть гибкія лстца колѣни
лишь гнутся тамъ, гдѣ раболѣпье
ждетъ выгоды одной. — Послушай!
Съ тѣхъ поръ, какъ мое сердце знаетъ
съ разборомъ отличать людей,
его ты избраннымъ явился:
ты былъ однимъ изъ тѣхъ, который,
страдаая, какъ-бы не страдалъ;
ты былъ всегда однимъ и тѣмъ-же,

какъ въ горѣ, такъ и счастіи...

Я полюбилъ тебя за то,
что предъ Фортуной своенравной
ты никогда не преклонялся
и не былъ увлеченъ страстями...
съ меня и этого довольно...

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: королю
присутствовать придется вскорѣ
на представленіи комедіи:
въ ней изображено событіе,
которое подходитъ близко
къ тѣмъ обстоятельствамъ, какія
о смерти моего отца
тебѣ повѣрилъ я по дружбѣ.
Когда по ходу пьесы, дѣло
дойдетъ до этого, мой другъ,
о, наблюдай, прошу тебя,
всей силою души своей
за дядею моимъ: и если
въ извѣстномъ мѣстѣ злодѣянье
таинственное не прорвется
само собой наружу, то...
то это былъ злой духъ, который
явился намъ. Такъ замѣчай
внимательно за нимъ, Горацио.
Что-жъ до меня, — то я вперю
въ его лицо глаза свои...
и поведеніе его
мы сообщимъ тогда обсудимъ.

Горацио. Клянусь, коль въ воровствѣ малѣйшемъ
онъ, уличенный, улинется,
то я за кражу отвѣчаю!

Гамлетъ. Они идутъ. Я беззаботнымъ
казаться долженъ. Займи мѣсто.

(Появляются въ глубинѣ музыканты, играющие)

датскій маришъ; затѣмъ пажы; маришъ перебивается звуками трубъ; входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ, придворные кавалеры и дамы, офицеры и др.).

Король. Какъ живетъ нашъ сынъ, Гамлетъ?

Гамлетъ. О, превосходно! питаюсь отъ стола хамелеона: воздухомъ да обѣщаніями. Каплуновъ такъ не откормите!

Король. Я не имѣю ничего общаго съ этимъ отвѣтомъ, Гамлетъ. Подобныя рѣчи до моего слуха не долетаютъ. *(Занимаетъ съ королевой мѣста на тронѣ).*

Гамлетъ. Онѣ ужъ улетѣли. *(Полонію)* Вы, сударь, играли когда-то въ университетъ? Вы, кажется, говорили...

Полоній. Точно такъ, ваше высочество, и слылъ хорошихъ актеровъ.

Гамлетъ. Кого-же вы представляли?

Полоній. Я представлялъ Юлія Цезаря. Меня убили въ Капитоліи; Брутъ меня зарѣзалъ.

Гамлетъ. Ай-да Брутъ! какой-же ты плутъ! зарѣзавъ такого капитальнаго телѣнка! *(Розенкранцу)* Актеры готовы? *(Придворные заняли мѣста: дамы на креслахъ, за ними кавалеры; Горацио становится по близости короля).*

Розенкранцъ. Готовы, ваше высочество. Они ждутъ вашего разрѣшенія.

Королева. Приди сюда, милый Гамлетъ, присядь ко мнѣ.

Гамлетъ. Нѣтъ, милая матушка, тамъ магнитъ посылъѣе *(идетъ къ Офеліи).*

Полоній *(королю)*. Ого! слышали?

(Начинается музыкальная интродукція, преимущественно флейты, играющая во время слѣдующаго діалога piano).

Гамлетъ *(съ поклономъ Офеліи, которая услышала въ креслѣ)*. Сударыня, позвольте къ вамъ на колѣни...

Офелія. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ *(садится у ея ногъ)*. ...склонить голову?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. А вы ужъ подумали... Богъ знаетъ, что!

Офелія. Я ничего не думала.

Гамлетъ. Будто у меня явилась чудесная мысль покониться у васъ на колѣняхъ!

Офелія. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы шутите.

Гамлетъ. Кто? я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. Ахъ, да! быть вашимъ... хотя-бы шутымъ!

Шутить, веселиться — чего лучше! Взгляните на матушку мою, какъ она весела! а вѣдь отецъ мой всего за два часа скончался.

Офелія. То-есть, за дважды два мѣсяца, принцъ.

Гамлетъ. Уже? Къ чорту тогда съ траурнымъ одѣваніемъ! Скажите! Два мѣсяца, какъ умеръ, и еще не забыты! Есть по крайней мѣрѣ надежда, что память великаго человѣка переживетъ его хотя на полгода, да и то лишь, клянусь нашими дамами, если онъ принимаетъ участіе въ ихъ благотвореніяхъ. Безъ этого-же о немъ вспомнить, какъ о любимомъ въ дѣтствѣ конькѣ, надгробная надпись котораго гласитъ:

Увы! позабыли,
какъ прежде любили!

(Трубные сигналы; флейты умолкаютъ. На эстрадѣ передъ занавѣсью появляется актеръ, представляющій Прологъ).

Прологъ *(раскланивается)*.

Мы просимъ васъ почтительно
игру увеселительную

прослушать снисходительно.
(*Поклонившись, уходитъ*).

Гамлетъ. И это прологъ? скорѣе стихокъ на колечкѣ.
Офелія. Очень короткій.

Гамлетъ (*со взлядомъ на королеву*). Словно женская любовь!

(*Снова трубные сигналы. Занавѣсъ на эстрадѣ поднимается. Сцена представляетъ садъ; на сценѣ, ближе къ оркестру, скамья. Входитъ 1-й актеръ, изображающій короля, и мальчикъ, законсервированный королевою*).

Король (*въ комедіи*).

Ужъ тридцать разъ пришлось Аполлону Фебу зенита достигать, свершая путь по небу, — Луна, займствуя лучи, его смѣняла, при чемъ двѣнадцать разъ тридцать нарастала, — съ тѣхъ поръ, какъ оба мы, любовью пламеня, соединились узамъ Гименея.

Королева (*въ комедіи*).

Какой-бы звѣзды ни свершали оборотъ — моя любовь къ тебѣ во вѣки не умрѣтъ! Но вотъ чего боюсь я: съ нѣкоторыхъ поръ печалью и тоской твой отуманенъ взоръ: не мучить-ли тебя какой-нибудь недугъ? или боязнь моя напрасна, мой супругъ?

Король (*въ комедіи*).

Со старостью слабѣю я: вотъ мое горе. Тебя покинуть, другъ мой, мнѣ придется вскорѣ... а что тогда? быть можетъ, ты меня забудешь... достойнаго найди, его любить ты будешь!

Королева (*въ комедіи*).

Остановись! о, Боже! вѣдь любовь такая была-бъ не что иное, какъ измѣна злая! Вторично замужемъ — себя я прокляла-бы! убійца одного — лишь жить съ другимъ могла-бы!
Гамлетъ (*въ сторону*). Это горько.

Королева (*въ комедіи*).

Вдова, которую прельщаетъ новый бракъ, изъ выгоды одной лишь поступаетъ такъ.

Бдвойнѣ-бы мужа я покойнаго убила, когда-бъ судьбу свою съ другимъ я раздѣлила!

Король (*въ комедіи*).

Ахъ! въ искренности словъ я убѣжденъ твоихъ, но жаль — увѣренности слишкомъ много въ нихъ. Какъ часто замысламъ своимъ мы измѣняемъ, и ихъ со временемъ совсѣмъ мы забываемъ! Рѣшенія наши, порожденные страстями, — съ исчезновеньемъ оныхъ — исчезаютъ сами.

Ничто не остается въ мірѣ неизмѣннымъ: проходитъ и любовь со счастьемъ перемѣннымъ. Она гоняется за нимъ неизменно:

гдѣ намъ не нуженъ другъ, тамъ есть ужъ онъ навѣрно; но стоить испытать его въ нуждѣ, то вдругъ весь обратится во врага сей мнимый другъ. Ты согласишься мнѣ остаться вѣрной навсегда: умру я — и умреть твой замыселъ тогда!

Королева (*въ комедіи*).

Пусть всякая напасть мнѣ выпадетъ отъ Неба! пусть навсегда лишусь насущнаго и хлѣба! пусть знать не буду я надежды, утѣшенья! пусть испытаю я одинъ лишь униженъ! покоя пусть нигдѣ я не найду никакъ, — коль я вдовой вступлю однажды въ новый бракъ!
Гамлетъ (*Офеліи*). Что — если она не сдержитъ слова?

Король (*въ комедіи*).

Такъ помни-жъ эту клятву! Но оставь меня... я утомленъ, мой другъ, отъ тревоженій дня и отдохнуть хотѣлъ-бы здѣсь (*отпускается на скамью*).

Королева (*въ комедіи*).

Спи безмятежно...

и отдались отъ насъ разлука неизбѣжна!
(*уходитъ. Король засыпаетъ*).

Гамлетъ. Государыня, правится-ли вамъ сія комедія?
Королева. Мнѣ кажется, эта особа зашла слишкомъ далеко въ своихъ завѣреніяхъ.

Гамлетъ. О, она сдержитъ слово!

Король. Извѣстно-ли тебѣ содержаніе? Нѣтъ-ли чего предосудительнаго въ немъ?

Гамлетъ. Нѣтъ,нисколько. Они только такъ потѣ-

шаются и отравляютъ потѣхи ради. Ничуть предосудительнаго нѣтъ.

Король. Какъ называется эта комедія?

Гамлетъ. «Мышеловкой»; въ какомъ смыслѣ? въ переносномъ. Здѣсь представляется убійство, совершённое въ Вѣнѣ. Герцога зовутъ Гонзаго, а жену — Баптиста. Вотъ вы увидите — это мошенническая проделка. Но это ничего не значить! у вашего величества и у насъ совѣсть чиста, насъ оно не касается. Пусть избитая лошадевка брыкается, — наша спина невредима.

(Входитъ на эстраду актеръ въ роли Люціана).

Это нѣкій Люціанъ, племянникъ короля. Начинай, убійца! полно тебѣ рожи корчить! начинай, скорѣй!

О мщеніи карканьемъ взываетъ хриплый воронъ!

Люціанъ (въ комедіи).

Удобный часъ! онъ спитъ... кругомъ нѣтъ никого... я въ со мной... мгновенія сочтены его!

(вливаетъ ядъ въ ухо спящаго).

Гамлетъ (королю). Онъ отравляетъ его въ саду, чтобъ завладѣть престоломъ. Короля зовутъ Гонзаго. Исторія эта издана на изысканномъ итальянскомъ нарѣчьи. Вы сейчасъ увидите, какъ убійца удастся овладѣть сердцемъ супруги Гонзаго. *(Движеніе).*

Офелія. Король встаетъ.

Гамлетъ (вскакиваетъ). А! испугался фальшивой тревоги!!

Королева. Супругъ мой, что съ тобой? *(сильное движеніе и шумъ).*

Полоній (кричитъ). Прекратите игру!

Король. Прочь! посвятите мнѣ!

Всѣ. Свѣту! свѣту! свѣту!

(Всѣ въ смятеніи расходятся, кромѣ Гамлета и Гораціо; занавѣсъ на эстрадѣ быстро опускается).

Гамлетъ. Ага! здоровому смѣшно, а раненому жутко! Такъ въ жизни водится оно: кто крѣпко спитъ, кто чутко!

Если ужъ мнѣ совсѣмъ не повезетъ, то развѣ все это съ лицедѣйскими атрибутами не въ состояніи доставить мнѣ мѣсто въ артели актеровъ?

Гораціо. О, да! съ правомъ на половинную долю.

Гамлетъ. Нѣтъ, на цѣлую, ибо когда не стало короля, подобнаго Зевесу, встать удалось у руля какому-то баб...

настоящему паяцу!

Гораціо. Рѣшу! рѣшу давайте!

Гамлетъ. Ахъ, мой другъ, Гораціо! я готовъ тысячу разъ биться объ закладъ, что духъ былъ правъ! Замѣтилъ-ли ты?

Гораціо. О, отлично, принцъ!

Гамлетъ. Во время сцены отравленія?

Гораціо. Я глазъ отъ него не отрывалъ.

Гамлетъ. Ха-ха! Эй, музыку сюда! Флейты!

Ужъ если дуется король нашъ на игру, то значить... что она ему непонутру!

(Входятъ: Розенкранцъ и Гильденштернъ).

А, музыканты! ну-ка, сыграйте!

Гильденштернъ. Ваше высочество, позвольте васъ просить на одно слово.

Гамлетъ. На цѣлую тираду, сударь.

Гильденштернъ. Король, принцъ...

Гамлетъ. Ну, сударь, что съ нимъ?

Гильденштернъ. Онъ удалился въ свои покои... ему очень дурно.

Гамлетъ. Съ похмелъя?

Гильденштернъ. Нѣтъ, скорѣе отъ желчи.

Гамлетъ. Вы-бы показали болѣе здраваго смысла,

если-бы обратились къ его врачу, потому-что отъ очистительныхъ средствъ, которыя я прописалъ-бы ему, желчь у него, пожалуй, еще сильнѣе-бы закипѣла!

Гильденштернъ. Принцъ, покорнѣйше прошу васъ говорить толкомъ и не уклоняться столь дико отъ порученія, на меня возложеннаго.

Гамлетъ. Я кротокъ, сударь. Говорите.

Гильденштернъ. Я посланъ къ вамъ королевою, родственницею вашего высочества, которая крайне огорчена.

Гамлетъ. Милости просимъ.

Гильденштернъ. Нѣтъ, принцъ, вашъ комплиментъ неумѣстенъ. Если вамъ угодно будетъ отвѣчать мнѣ толкомъ, то я готовъ исполнить приказаніе ея величества, если-же нѣтъ, въ такомъ случаѣ, извините, я не намѣренъ васъ беспокоить.

Гамлетъ. Но, сударь, я не могу.

Гильденштернъ. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Отвѣчать вамъ толкомъ. Разсудокъ мой хвораетъ. Но отвѣтъ, какой я вамъ дать въ состояніи, къ вашимъ услугамъ, или скорѣе къ услугамъ моей матушки. Итакъ, безъ лишнихъ словъ, къ дѣлу. Вы говорите — мать моя...

Розенкранцъ. Королева изволила замѣтить, что поведеніе ваше изузило и удивило её.

Гамлетъ. О, изумительный сынъ, которому удивляется мать его! Но что-же за этимъ материнскимъ удивленіемъ послѣдуетъ? Не скрывайте.

Розенкранцъ. Ея величество желаетъ говорить съ вами передъ тѣмъ, какъ вы на покой отправитесь, и проситъ васъ къ себѣ.

Гамлетъ. Мы готовы повиноваться, хотя-бы она десять разъ была нашею матерью. Чѣмъ я еще могу служить вамъ?

Розенкранцъ. Ваше высочество нѣкогда благоволяли ко мнѣ.

Гамлетъ. И по сіе время, увѣряю васъ.

Розенкранцъ. Принцъ, объясните мнѣ причину вашего разстройства. Ради васъ, ради свободы вашей, умоляю васъ повѣрить мнѣ, какъ другу, ваше горе.

Гамлетъ (*таинственно*). Видите-ли... (*останавливается и смотритъ пристально на Гильденштерна, который всталъ сзади между ними, но, встрѣтивъ его взглядъ, отступаетъ*)... мнѣ не даютъ повышеій.

Розенкранцъ. Какъ-же это можетъ быть, когда король самъ утвердилъ васъ въ правахъ наслѣдника датскаго престола?

Гамлетъ (*таинственно*). Точно такъ... (*оборачивается и смотритъ пристально на Гильденштерна, который успѣлъ обойти его со стороны, но, встрѣтившись съ его взглядомъ, снова отходитъ*).... но вѣдь «послѣ насъ хоть трава не расти», — эта пословица отзывается гнилью.

(*Входятъ антеры съ флейтами*).

Ага, флейты! Покажите одну (*беретъ*). А съ вами на одно слово (*отводитъ Гильденштерна въ сторону*): что это вы всё ходите кругомъ да около меня, точно меня расчухать, точно въ сѣти меня загнать хотите?

Гильденштернъ. О, ваше высочество! если покорность мою вы находите дерзкою, въ такомъ случаѣ и преданность моя вамъ покажется непристойною.

Гамлетъ. Гм... я это не совсѣмъ понимаю. Сыграйте, пожалуйста, на этой флейтѣ.

Гильденштернъ. Принцъ, я не играю.

Гамлетъ. Прошу васъ.

Гильденштернъ. Увѣряю васъ, я не умѣю.

Гамлетъ. Сдѣлайте мнѣ одолженіе.

Гильденштернъ. Я не знаю ни одного приема, ваше высочество.

Гамлетъ. А вѣдь это такъ легко, какъ переливать изъ пустого въ порожнее. Стоить только овладѣть съ помощью пальцевъ этими отверстиями, воодушевить дуновениемъ флейту, и она краснорѣчиво заиграетъ. Смотрите, вотъ приемы.

Гильденштернъ. Но я не владѣю ими даже настолько, чтобы извлечь малѣйшую гармонию; я не обученъ этому искусству.

Гамлетъ. Вотъ видите-ли, что за ничтожество вы думаете изъ меня сдѣлать! вамъ хочется играть на мѣхъ; вы притворяетесь, будто всѣ мои клавиши знаете; вы хотите проникнуть въ тайники души моей; вамъ хотѣлось бы испытать всѣ ноты, всѣ струны моего голоса: а въ этомъ небольшомъ инструментѣ вѣдь много музыки, превосходный голосъ, и все-жъ-таки вы не въ состояніи заставить его заговорить! Что-же наконецъ вы думаете?! на мѣхъ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Принимайте меня за какой угодно инструментъ: вы, пожалуй, меня разстроите, но играть на мѣхъ вамъ не удастся! *(возвращаетъ флейту и отдаетъ знакъ актерамъ, которые уходятъ; свѣтильники постепенно гаснутъ; чрезъ окно, на сторонѣ, проникаетъ лунный свѣтъ).*

(Входитъ Полоній).

Мое почтеніе.

Полоній. Принцъ, королева желаетъ говорить съ вами и немедленно.

Гамлетъ *(подводя его къ окну)*. Смотрите, видите-ли вы тамъ облако, точно верблюдъ?

Полоній. Ей-Богу, оно, въ самомъ дѣлѣ, похоже на верблюда.

Гамлетъ. Мнѣ кажется — оно похоже на кролика.

Полоній. Спина совсѣмъ, какъ у кролика.

Гамлетъ. То-есть, какъ у кита?

Полоній. Ну точъ-въ-точъ рыба-китъ!

Гамлетъ. Ну-съ, въ такомъ случаѣ я готовъ пойти къ матушкѣ, тотчасъ-же. — *(Въ сторону)* Шутовское терпѣніе мое скоро лопнетъ! *(громко)* Я иду сію-минуту-же.

Полоній. Такъ будетъ положено *(уходитъ)*.

Гамлетъ. Легко сказать — сію минуту-же! Друзья, оставьте меня. *(Всѣ, кромѣ него, уходятъ. Свѣтильники постепенно погасли).*

Ужъ полночь... я теперь готовъ

на все... на адскія дѣла,

при мысли о которыхъ двѣмъ

я ужаснулся-бы! Но тише...

Пора мнѣ къ матери идти...

Жестокимъ я хочу быть съ ней...

ахъ, нѣтъ! лишь только на словахъ!

вѣдь я не долженъ забывать,

что сынъ я, а она мнѣ мать! *(уходитъ)*.

СЦЕНА II.

Кабинетъ королевы. Со стороны въ глубинѣ дверь съ портьерою, ведущая въ уборную королевы; съ другой стороны входная дверь и немного ближе къ оркестру портреть покойнаго короля во весь ростъ, скрывающей потайную дверь. Зажжены свѣтильники.

(Входитъ чрезъ входную дверь: Король, Розенкранцъ и Гильденштернъ и останавливаются въ глубинѣ).

Король. Мы въ нашей безопасности не можемъ быть увѣрены, пока безуміемъ своимъ онъ пользуется на просторѣ. Такъ рѣшено: я поспѣшу

вамъ полномочья изготovitъ.
 Вы будете сопровождать
 Гамлета въ Англію. Ему
 хотимъ мы поручить въискать
 съ вассала нашего ту дань,
 которую платитъ онъ медитъ.
 Такъ приготовьтесь же въ дорогу.
 Мы въ вѣчныхъ опасеніяхъ
 жить не намѣрены. Прощайте.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Да, Англія! ты нашу власть
 цѣнить должна, коль покушаешь
 пріязнь мою и дружбу данью.
 Ослушаться ты не дерзнешь.
 коль сюзерентъ тебѣ предпишетъ
 казнить немедленно Гамлета...
 Такъ — Англія — исполни-жъ это!
 Пока онъ живъ, мнѣ счастья нѣтъ:
 душа покоя лишена...
 ты исцѣлить меня должна!

(Входитъ черезъ входную дверь Полоній).

Полоній. Не видѣли вы принца, государь?

Король. Онъ долженъ быть у королевы.

Полоній. Такъ, вѣроятно, онъ прошелъ
 чрезъ корридоръ. Не беспокойтесь:
 она ему всю правду скажетъ
 и строго побранитъ его.
 Но всё-жъ, — какъ вамъ угодно было
 замѣтить очень справедливо, —
 необходимо, чтобы былъ,
 при разговорѣ ихъ, свидѣтель
 побезпристрастнѣе, чѣмъ мать:
 я встану за портьерою
 и все подслушаю — узнаю,
 и передъ тѣмъ еще, какъ вы

пойдете спать, докладъ представлю.

Такъ до свиданья, государь.

Король. Благодарю тебя, Полоній. *(Полоній подходитъ къ портьеру, осторожно заглядываетъ въ уборную и затѣмъ свободно входитъ въ нее).*

Король *(опускается въ кресло).*

О, грѣхъ, ты къ Небу вопіеши!

Древнѣйшее проклятіе на

тебѣ лежитъ — братоубійство!

(послѣ нѣкотораго молчанія)

Молиться я не въ состоянн:

вина раскаянья сильнѣй! *(встаетъ)*

Ну, что-жъ... хотя-бы руки эти

купались въ братниной крови!..

такъ неужель не ниспослеть

мнѣ небо щедрое дождя

обильнаго, чтобы смыть ее?

Но какъ-же смыть имъ эту кровь

когда все остается мнѣ —

все то, что къ преступленію

меня влекло: вѣнецъ, тщеславье

и обладанье королевою?

Какъ мнѣ вино мою загладить,

когда за нею лешабжно

родится новый грѣхъ, когда,

чтобы скрыть кровавые слѣды,

я долженъ снова жаждать крови?

Гдѣ-жъ тутъ надежда на прощенье?

Здѣсь на землѣ, грѣхъ можно скрыть,

а тамъ, на Небѣ, не обманешь...

Такъ что-же остается мнѣ?

на путь раскаянья вступить? —

О, совѣсть мрачная, какъ смерти!

о, грѣшная душа моя!

погрязши въ омутѣ, напрасно

ты выплыть на берег стремишься:
ты погружаешься все глубже...
Спаси, о, Небо! попытайся!
Гнитесь, упругія колѣни!
О, сердце зачерствѣлое,
смягчись, помолодѣй! Быть можетъ,
все въ будущемъ уладится!
(падаетъ на колѣни).

(Входитъ чрезъ входную дверь Гамлетъ и направляется къ портьеру, но, замѣтивъ молящагося короля, съ удивленіемъ отступаетъ назадъ).

Гамлетъ (вполголоса). Теперь я съ легкостью-бы могъ...
(осторожно обнажаетъ мечъ).

Онъ молится, — теперь рѣшусь, —
и онъ на Небеса пойдетъ...
И въ этомъ мѣсть? Злодѣй убилъ
отца, а я, единый сынъ, —
его, злодѣя, посылаю
на Небо...

Награда вмѣсто отомщенія!
Онъ жизни моего отца
лишилъ въ расцвѣтѣ прегрѣшеній,
не давъ покаяться ему...
Какъ счеты сведены его,
про то одно лишь Небо знаетъ...
Отмщу-ли я, когда молитвой
онъ пролагаетъ путь къ спасенью?
Нѣтъ!

Назадъ съ мечемъ: ударъ, гораздо
ужаснѣй, предстоитъ тебѣ!
Когда его я въ опьянѣньи
застану, или спящимъ, злымъ,
или въ грѣховныхъ наслажденьяхъ,
когда тамъ ждетъ его погибель,
тогда, о, мечъ, знай свое дѣло!

(идетъ къ портьеру, но, какъ-бы раздумавъ, поспѣшно уходитъ обратно чрезъ дверь).

Король (встаетъ). Слова летятъ, а мысль плетется,
и къ Небу мысль не вознесется.

(Подходитъ къ потайной двери, но, взявъ на портретъ покойнаго короля, вздрамываетъ вслѣдъ тѣломъ; затѣмъ, собравшись съ духомъ, ударомъ ноги отворяетъ ее и быстро уходитъ; потайная дверь сама собой затворяется).

(Входятъ чрезъ портьеру: Королева и Полоній).
Полоній. Навѣрно онъ сейчасъ придетъ.

Смотрите, будьте съ нимъ поостроже:
скажите, что его проказы
ужъ слишкомъ дерзки, чтобы терпѣть ихъ,
что вамъ стоять невыносимо
межъ нимъ и государемъ, словно
межъ двухъ огней. Я спрячусь здѣсь.
Прошу васъ, будьте съ нимъ покруче.

Королева. Не бойтесь...

Гамлетъ (за сценой). Матушка! матушка!

Королева. Скорѣ спрячьтесь, онъ идетъ.

(Полоній прячется за портьерой).

(Входитъ поспѣшно Гамлетъ).

Гамлетъ (осматривается кругомъ; въ сторону).

Ага, влѣзъ! онъ спрятался... (громко)

Въ чемъ дѣло, матушка, скажите?

Королева. Гамлетъ, отецъ твой оскорбленъ
тобой!

Гамлетъ. Нѣтъ, матушка, напротивъ,
отецъ мой оскорбленъ тобой!

Королева. Пойди! ты говоришь безумно!

Гамлетъ. Ступай! ты говоришь ехидно!

Королева. Что это значитъ?

Гамлетъ. Въ чемъ-же дѣло?

Королева. Иль ты меня совсѣмъ забылъ?

Гамлетъ. Нисколько! королева — ты!
и брата мужа своего
жена — и, къ сожалѣнію,
ты мать моя!

Королева. Я вижу, что
не мнѣ съ тобою разсуждать!

Гамлетъ. Сюда! садися! и ни съ мѣста,
пока поставить не удастся
мнѣ предъ тобою зеркало,
въ которомъ ярко отразится
вся глубина души твоей.

Королева. Что вздумалъ ты... убить меня?
О, помогите!

Полоній (за портьерою). Эй! на помощь!

Гамлетъ. Ха, мышь! (обнажаетъ мечъ).
Бьюсь объ закладъ: убита!
(пронзаетъ портьеру).

Полоній. Меня убили! ахъ! (падаетъ и умираетъ).

Королева. О, Боже!
что сдѣлалъ ты!

Гамлетъ. Ей-ей, не знаю...
король? (вытаскиваетъ трунъ Полонія).

Королева. Безумное убійство!

Гамлетъ. Убійство, матушка: не хуже,
чѣмъ мужа-короля убить
и замужемъ за братомъ быть!

Королева. Чѣмъ короля убить...

Гамлетъ. Да, да!
я такъ сказалъ! — О, жалкій шутъ!

Прости. Тебя за лучшую
добычу принять я. Смирись
передъ судьбой. Вотъ видишь, какъ
опасно нось совать повсюду. (Королеву)
Да не ломай-же рукъ! потише...
Присяди... (принуждаетъ ее сѣсть и самъ

садится рядомъ). Сломать хочу я сердце
твое, коль не совсѣмъ еще
оно окаменѣло, — коль
привычка къ дьявольскому злу
его еще не закалила, —
коль разумъ еще въ состоянн
добиться доступа къ нему!

Королева. Въ чемъ провинилась я, что ты
столь дерзкимъ смѣешь быть со мной?

Гамлетъ. А въ томъ, что нравственность лишаетъ
всей чистоты ея душевной,
что добродѣтель превращаетъ
въ лжѣну, что въ любви невинной
всю прелесть цѣломудрія
уничтожаетъ! ты повинна
въ томъ, что предъ алтаремъ присягу
на вѣрность мужу обратила
въ зарокъ ничтожный игрока,
чѣмъ надругалась ты надъ вѣрой,
надъ тѣмъ, что всѣмъ должно быть свято!

Королева. Боже! какой противъ меня
такъ громко вопіетъ поступокъ?

Гамлетъ (указываетъ на медальонъ, висящій на шее
королевы и на портретъ покойнаго короля).

Взгляни на это и на то
изображеніе двухъ братьевъ! (встаетъ).
Взгляни сюда: какая прелесть
во взглядъ! кудри Аполлона,
чело Юпитера, взоръ Марса!
воистину соединенье
всѣхъ признаковъ боговъ Олимпа!
И онъ твоимъ супругомъ былъ! —
Теперь-же посмотри сюда:
вотъ ояъ, твой мужъ!.. Ослѣпла ты,
что промѣнять могла луга

зеленые на гниль-болото?
 Ну, говори: ослѣпла ты?
 Любовь здѣсь не при чемъ... въ твои
 годъ ужъ не бушуютъ страсти:
 разсудокъ замѣняетъ ихъ!
 Но гдѣ-жъ онъ былъ, разсудокъ твой?
 безумство не могло его
 поработить такъ безпощадно,
 чтобъ ты не въ состоянн
 была день отличить отъ ночи!
 Частица зрѣнья, осязанья,
 или слуха, или обонянья
 въ потѣмкахъ не блуждаютъ такъ!
 О, если въ зрѣлые года
 лишается румянца стыдъ
 и адскій огонь горитъ въ суставахъ,
 то растопись, какъ воскъ, стыдливость
 невинныхъ дѣтъ въ крови горячей!..

Королева. Остановись, Гамлетъ... умолкни!

ты совѣсть взволновалъ мою:
 я вижу — она помутилась...

Гамлетъ. Рѣшиться на такой постыдный,
 безумный бракъ...

Королева *(встаетъ)*. Не говори!
 слова твои, что острый ножъ...

Гамлетъ *(срываетъ съ нея медальонъ)*.
 ...съ убийцею, злодѣемъ подлымъ,
 рабомъ, не стоящимъ мизинца
 того, кто былъ твоимъ супругомъ!..

(кидаетъ медальонъ на полъ и топчетъ его).
 Королева. О, пожалѣй...

*(Комната, не смотря на горячіе свѣтильники,
 покрывается мракомъ; чрезъ потайную дверь,
 какъ бы изъ своего изображенія, появляется При-
 зракъ.)*

Гамлетъ.

Да, съ самозванцемъ...

(замыкаетъ его).

Силы небесныя, спасите!
 Чего ты хочешь, благородный
 призракъ?

Королева. Увы! онъ помѣшался...

Гамлетъ. Уже не явился ли корить
 меня за то, что медлю я
 исполнить твой завѣтъ ужасный?
 О, говори!

Призракъ. Не забывай!

Мое явленіе должно
 твой замысль укрѣпить въ тебѣ.
 Но обрати свой взоръ на мать:
 объята ужасомъ она.
 Воображеніе слабыхъ сильно:
 скажи ей ласковое слово.

Гамлетъ. Ну, какъ вамъ... какъ вамъ, матушка?

Королева. Ахъ, что съ тобой? зачѣмъ вперялъ
 ты взоръ куда-то и бесѣду
 ведешь съ пространствомъ безтѣлеснымъ?
 О, милый сынъ мой, успокойся!
 Кого ты видишь тамъ?

Гамлетъ. Его!
 его! смотри, какъ блѣденъ онъ... *(призраку)*
 Несчастный! не гляди такъ на
 меня! въ слезахъ я весь растаю
 и потоплю въ нихъ месть свою!

Королева. Съ кѣмъ говоришь ты?

Гамлетъ. Видишь тамъ?

Королева. Не вижу никого, хотя
 и вижу все...

Гамлетъ. Ты не слыхала?

Королева. Кого? пѣтъ, кромѣ насъ...

Гамлетъ *(смотря на разстояніи за призракомъ)*.

Смотри!

смотри! какъ онъ крадется прочь...

отецъ мой, точно воплотился...

смотри... вонъ тамъ... уходить... вышелъ!

(Призракъ уходитъ чрезъ портьеру; мракъ исчезаетъ).

Королева. Все это лишь воображенье...

Гамлетъ. Воображеніе? о, нѣтъ!

мой пульсъ нормаленъ, какъ и твой.

Нѣтъ, это не воображеніе!

ты можешь испытать меня —

я слово въ слово повторю я

все то, что при воображеніи

немыслимо припомнить было-бъ!

(бросается передъ нею на колѣни).

О, матушка, ради Небесъ!

не утѣшай себя надеждой,

что тутъ безумье говорить

мое, а не проступокъ твой!

его ты этимъ не изгладишь...

Во всемъ признайся передъ Небомъ:

покайся въ прошломъ прегрѣшеніи

и избѣгай грядущаго!

не удобряй сорной травы,

дабы не разрослась она...

(встаетъ; въ сторону, какъ-бы вслѣдъ призраку).

Прости мнѣ эту добродѣтель,

но, видно, въ художничій вѣкъ нашъ

за нею очередь настала

просить прощенья у порока

и умолять о дозволеніи

ему оказывать добро.

Королева *(въ слезахъ)*.

Ахъ, сынъ мой! ты сломилъ мнѣ сердце!
(падаетъ въ изнеможеніи на диванъ).

Гамлетъ. О, выкинь злую часть его:

живи съ другою, лучшей частью!

Спокойной ночи, матушка... *(молчаніе)*.

Будь недобѣрчива къ супругу...

не отвѣчай ему на ласки...

старайся избѣгать его!..

Прощай. — Благослови меня

тогда, когда сама нуждаться

въ благословеніи ты будешь...

(указывая на Полонія)

А этого шута — мнѣ жаль!

Судьба хотѣла чрезъ меня

его, а чрезъ него меня

такъ безпощадно покарать,

чтобъ впредъ я зналъ, что мнѣ должно

ея орудемъ быть послушнымъ.

За смерть его отвѣтствовать

всегда готовъ я. Доброй ночи... *(въ сторону)*.

Ради любви я долженъ быть

жестокимъ... *(трожно)* Слова два еще.

Королева. Что дѣлать мнѣ?

Гамлетъ. О, ни за что

не слѣдовать моимъ совѣтамъ!

напротивъ, постарайся быть

подласковѣй съ своимъ супругомъ

и, за любовною бесѣдой,

во всемъ, во всемъ ему признайся...

Открой ему, что въ сущности

я вовсе не сошелъ съ ума,

а лишь изъ хитрости одной

прикидываюсь сумасшедшимъ!

Какая королева скроетъ

такія дорогія тайны

отъ своего чудовища!
 Всѣ нити укажи ему
 и въ нихъ запутайся сама!

Королева *(подходитъ къ нему и обнимаетъ его)*.

О, будь увѣренъ, коль слова —
 дыханье, а дыханье — жизнь,
 я испущу послѣдній вздохъ,
 но что мнѣ ты сказать, не выдамъ.

Гамлетъ *(смячившись)*.

Я долженъ въ Англію, ты знаешь?

Королева. О, Боже! я совсѣмъ забыла...

да, сынъ мой, это рѣшено.

Гамлетъ. Ужъ грамоты изготовляютъ.

Моимъ товарищамъ обоимъ,
 которыхъ опасаться буду,
 какъ жала ядовитыхъ змѣй,
 приказъ данъ провожать меня
 и путь расчистить къ западнѣ.
 Пускай! посмотримъ, чья возьметъ?
 подъ мины подкопаюсь я
 и ихъ самихъ взорву на воздухъ!

За хитрость — хитрость: превосходно! *(протыкиваетъ королевы руки; она со слезами обнимаетъ его)* Прощай-же, матушка...
(уклонившись отъ ея благословенія, указываетъ на Полонія).
 Его-же,

хотя и тяжело это бремя,
 поволоку отсюда вонъ.

(Подходитъ къ тѣлу Полонія).

Умолкъ совѣтникъ вашъ, умолкъ...
 а въ болтовнѣ вѣдь знаетъ онъ толкъ!

АКТЪ IV.

СЦЕНА I.

Дворцовый садъ. Съ одной стороны, въ глубинѣ, видъ на море.

(Входятъ: Королева и Гораціо; слышенъ отдаленный гулъ).

Королева. Я говорить съ ней не хочу.

Гораціо. Она не отстаетъ и, право,
 достойна состраданія.

Королева. Чего-жъ ей нужно?

Гораціо. Говорить

все объ отцѣ своемъ, кланѣтъ
 весь міръ, ломаетъ руки, плачетъ;
 ея слова едва понятны,
 бессвязны и отрывочны,
 но производятъ впечатлѣнны
 на слушателей изъ толпы,
 и всякъ стремится смыслъ придать имъ:
 пускаются догадки въ ходъ...
 Неладное творится что-то.

Королева. Да, лучше я поговорю съ ней.

Она, пожалуй, подозрѣвая
 въ умахъ посѣтъ безпокойныхъ.
 Впусти её. *(Гораціо уходитъ)*.
 То вѣрный признакъ прегрѣшенія,
 коль для души моей больной
 пустякъ малѣйшій за собой

влечетъ несчастій опасенія!
О, страха явного вина
бываетъ такъ всегда полна,
что, укрываясь отъ глазъ,
себя выводитъ на показъ!

(Входятъ: Горацио и Офелія).

Офелія. Гдѣ прекрасная царица?

Королева. Офелія...

Офелія (поетъ). Отличу-ли отъ другихъ
я красавица твоего?
Во хламидахъ, съ посохомъ
повстрѣчаешь ты его.

Королева. Къ чему пѣснь эта, милая?

Офелія. Что вы? нѣтъ, слушайте, прошу васъ. (Поетъ)
Нѣтъ, онъ умеръ, соколъ твой, —
онъ давно въ гробу лежитъ!
дѣритъ зеленый надъ головою,
а въ ногахъ плита-гранитъ.

Ахъ!

(Входитъ Король).

Королева. Но скажи, Офелія...

Офелія. Нѣтъ, я прошу васъ, слушайте. (Поетъ)
Онъ покоится въ цвѣтахъ... (плачетъ).

Королева. Супругъ мой, посмотрите... о!

Офелія. ...въ бѣдомъ саванѣ одѣтъ,
на которомъ и слѣда
дорогихъ слезинокъ нѣтъ!

Король. Прелестная Офелія,
скажи мнѣ, что съ тобою?

Офелія. Слава Богу, ничего! Говорятъ, что совушка
была дочь некаря... Ахъ, сударь! мы вѣдь знаемъ,
что мы нѣтъ, а что изъ насъ можетъ стать, —
мы не знаемъ. Хлѣбъ-соль вашей милости! (при-
сѣдаетъ).

Король. Намекъ на бѣднаго отца...

Когда-же это съ ней случилось?

Офелія. Надѣюсь, все пойдетъ своимъ порядкомъ.
Мы должны имѣть терпѣніе... но какъ-же мнѣ не
плакать, если я только подумаю о томъ, что они
зарыли его въ сырую землю. Мой братъ узнаетъ
объ этомъ, а потому спасибо вамъ за добрый со-
вѣтъ. Идемте... подавайте карету! Доброй ночи,
сударыни! доброй ночи, прелестныя дамы! доброй
ночи! доброй ночи! (низко присѣдая, уходитъ).

Король. Ступай и послѣди за нею.

(Горацио уходитъ).

Тоска ума ея лишила, —
и смерть отца тому причиной.
Ахъ, да, Гертруда! если горе
насъ посѣтитъ, то не одно,
а вѣдѣ за нимъ стучится и
другое: жизнью заплатилъ
ея отецъ, а сынъ твой сослалъ
по собственной винѣ своей; —
въ народѣ ропотъ, и догадки
насчетъ кончины старика
изъ устъ въ уста передаются:
безумно было, что его мы
изъ-подтишка похоронили; —
затѣмъ Офелія, бѣдняжка,
въ разлукѣ со своимъ разсудкомъ!
и наконецъ всего что хуже:
вѣдь братъ ея, вернувшись тайно
изъ Франціи, подозреваетъ
насъ — будто мы причиною
погибели его отца...

(Отдаленный гулъ превращается въ шумъ).

Королева. О, Боже! что это за шумъ?

(Вбѣгаютъ нѣсколько придворныхъ).

Король. Тѣлохранителей сюда!

Ворота охранять! Что тамъ?

Придворный. Спасайтесь, государь, скорѣй!
 Уже мятежниковъ ватага
 подъ предводительствомъ Лазрта
 всю вашу стражу разогнала...
 Толпа привѣтствуетъ его
 какъ государя своего. *(Шумъ усиливается)*.

Королева. Намѣшники! вы на невѣрный
 напали слѣдъ!

Король. Они ворвались!
(придворные обнажаютъ мечи).
(Является Лазртъ съ обнаженнымъ мечемъ; за нимъ датчане).

Лазртъ. Король гдѣ? Стойте, стойте, братцы!

Голоса. За нимъ! впередъ!

Лазртъ. Нѣтъ, отступите!
 прошу васъ!... ужъ позвольте мнѣ...

Голоса. Назадъ! Пусть самъ онъ... отойдете.
(Лазртъ убѣждаетъ ихъ отступить; датчане, среди шума, постепенно удаляются; шумъ стихаетъ).

Лазртъ. Спасибо вамъ... Занять ворѣта!
(возвращается; королю)
 Отдай мнѣ моего отца!

Королева. Лазртъ, потише, успокойся!

Лазртъ. Не назовусь отца я сыномъ,
 коли спокоенъ буду я!

Король. Лазртъ, скажи, что побудило
 тебя такъ возмутить народъ?
 Оставь, оставь его, Гертруда, —
 не беспокойся обо мнѣ:
 хранить божественная сила
 особу короля: намѣна,
 взглянувъ ему въ глаза, теряетъ
 всѣ замыслы свои. — Лазртъ!
 скажи, чѣмъ ты ожесточенъ?
 Оставь, Гертруда... Говори.

Лазртъ. Гдѣ мой отецъ?

Король. Онъ умеръ.

Королева. Но не

король тому виной.

Король. Пусть онъ

вопросы ставитъ.

Лазртъ. Какъ погибъ онъ?

Не дамъ я за что въ обманъ я!

Я напроломъ иду! пусть будетъ,

что будетъ! а за смерть отца

я отомщу во что-бъ ни стало!

Король. Кто-жъ воспрепятствуетъ тебѣ?

Лазртъ. Скорѣ самъ я, чѣмъ кто-либо!

Я небольшими силами
 сумѣю такъ распорядиться,
 что хватить для меня ихъ вдоволь!

Король. Лазртъ, ты хочешь знать навѣрно,

кто въ смерти твоего отца

несчастлива повиненъ — да?

Такъ развѣ ты намѣренъ мстить, —

коль выиграешь ставку, — всѣмъ:

и недругу отца, и другу?

Лазртъ. Нѣтъ, только недругамъ его...

Король. Ты хочешь знать ихъ, или нѣтъ?

Лазртъ. ... друзей-же съ распростертыми

объятями готовъ я встрѣтить

и жизнь свою отдать за нихъ!

Король. Ну вотъ, теперь ты говоришь,

какъ добрый сынъ и дворянинъ!

Что въ смерти твоего отца

я неповиненъ, что она

меня всѣхъ болѣе удручаетъ,

ты въ этомъ убѣдишься самъ...

Голоса *(за сценой)*. Впустите! дайте ей дорогу!

Лазрть. Что тамъ такое? что за шумъ?

(Входитъ Офелія, фантастично убранная цвѣтами и травами).

Лазрть. О, иссуши мой мозгъ, жаръ знойный!
о, слезы, горькія, какъ горечь,
глазъ моихъ зрѣнье изурите!...
Ха! за безуміе твое,
клянусь, мнѣ дорого заплатятъ!

Офелія! голубушка!

моя сестрица дорогая!

О, Господи! возможно-ли,

чтобъ разумъ дѣвы молодой

изсякъ, какъ старческій рассудокъ!

Офелія (поетъ). Онъ на одрѣ лежалъ нагой, —
и слезы, слезы, слезы
изъ глазъ моихъ текли рѣкой...

Прости, голубка.

Лазрть. О, если-бъ въ разумѣ была ты
и стала-бы взывать о мщеніи,
то не могла-бы тронуть такъ!

Офелія. А вы должны пѣть: долой, долой! и кричать
ему вслѣдъ: долой! Какъ-бы оно вышло складно!
Вѣдь это коварный управитель, который похитилъ
дочь своего хозяина.

Лазрть. Нѣтъ связи, а болѣе, чѣмъ ясно!

Офелія. Вотъ незабудка, это на память: голубчикъ
мой, не забудь меня... А вотъ пымортель — не
забудь во вѣки-вѣчные!

Лазрть. Разумъ въ безуміи: вѣчная память любви!

Офелія. Это укропъ, а вотъ колокольчики: (королю)
а для васъ рута, и для меня тоже: это значитъ:
раскаяніе и милосердіе. (Королю) А вы носите
её со значкомъ. (Лазрту) Возьмите маргаритку...
я хотѣла дать вамъ нѣсколько фіалокъ, но онѣ

всѣ завяли, какъ отецъ мой умеръ. Говорятъ, онъ
скончался тихо... (поетъ)

Ты радость моя!
ты все для меня!

Лазрть. Печаль, тоска и уныніе, безумство даже въ
ней верхъ доброты и прелести!

Офелія (поетъ). Неужель ты не придешь?
неужель ты не придешь?

Нѣтъ! тебя ужъ нѣтъ!
ты покинулъ свѣтъ!..

Ты обратно не придешь. —

Голова бѣла, какъ снѣгъ,
тонки волосы, какъ ленъ...

Не помоги слезамъ!
не вернешься къ намъ...

Будь покоемъ награжденъ.

А съ тобою и души всѣхъ умершихъ. Молю Бога
объ этомъ... (смотритъ пристально на Лазрта,
вскрикиваетъ и бросается ему на шею, но затѣмъ тотчасъ-же отстраняетъ его отъ себя).
Господь съ вами! (уходитъ).

Лазрть. Вотъ видите... о, Боже, Боже!

Король. Лазрть, твою печаль и скорбь
я вправѣ раздѣлить съ тобой.
Пойдемъ. Пусть выборъ твой укажетъ
намъ изъ друзей твоихъ мудрейшихъ,
и пусть они рассудятъ вась.
Коли малѣйшую вину
за мной они признаютъ, то...
бери вѣнецъ и жизнь мою
и все, что хочешь... если-же,
напротивъ, окажусь я правымъ,
то раздѣли со мной терпѣнье,
и сообщи тогда удасться
найти намъ удовлетворенье.

Лазрть. Да будетъ такъ. Тайственность
его кончины, погребенье

безъ почестей и скрытая
могила, о, клянусь! все это
такъ съ Неба громко вопіеть,
что все разоблачить я долженъ!

Король. Ты все узнаешь, а виновный
заплатитъ жизнью. Пойдемъ.

(*уходитъ; за ними Королева и придворные*).
(*Входятъ съ другою конца, со стороны моря: Го-
раціо и слуга*).

Гораціо. Какіе это люди, что
со мною говорить хотятъ?

Слуга. Матросы, сударь. У нихъ къ вамъ
есть письма.

Гораціо. Такъ впусти-же ихъ.
(*Слуга уходитъ*).

Ждать отъ кого-бы мнѣ привѣта,
какъ не отъ самого Гамлета!

(*Входятъ матросы*).

1-й матросъ. Желаемъ здравія.

Гораціо. Спасибо.

1-й матросъ. Вотъ письмо, сударь, отъ посла, кото-
рый собирався ѣхать въ Англію. Оно должно быть
доставлено вамъ, если, какъ намъ сказали, васъ
зовутъ Гораціо.

Гораціо (*читаетъ*). «Гораціо, по прочтеніи этихъ строкъ,
постарайся немедленно-же прилагаемая при семъ письма
вручить королю. Мы находились не болѣе двухъ дней
на морѣ, какъ вооруженный пиратъ пустился на всѣхъ
парусахъ за нами въ погоню. Какъ оказалось, мы не
въ состояніи были ускользнуть отъ непріятеля, а по-
тому вынуждены были положиться на мужество на-
шего экипажа. Во время абордажной схватки, я очу-
тился на корсарѣ, который въ эту минуту отщиплся
отъ нашего судна, и такимъ образомъ единственно я
оказался въ плѣну у пиратовъ. Они обошлись со мною,
какъ благородные воры, но, разумеется, не безъ при-
чины: они ждутъ отъ меня доброй услуги. Постарайся,

чтобы король получилъ письма, которые я посылаю,
и поспѣши ко мнѣ, словно сама смерть за тобою въ
погонѣ. Мнѣ нужно прошептать тебѣ на ухо слова,
отъ которыхъ ты оцѣпишь, хотя я и не нахожу та-
кихъ выражений, которые по вѣсу могли-бы срав-
ниться съ ихъ содержаніемъ. Эти добрые молодцы при-
ведутъ тебя къ мѣсту моего нахождения. Розенкранцъ
и Гильденштернъ продолжаютъ путь въ Англію: о
нихъ придется мнѣ передать тебѣ многое. Прощай.
Вѣчно, какимъ онъ повѣстенъ тебѣ,

«твой Гамлетъ».

Пойдемте. Эти письма я
велю доставить королю;
а вы меня къ тому сведите,
кто васъ сюда ко мнѣ послалъ. (*Уходятъ*).

(*Возвращаются: Король и Лазрть*).

Король. Надѣюсь, что ты убѣдился
теперь въ невинности моей,
и что въ тебѣ найду я друга:
изъ устъ ты королевы слышалъ,
что тотъ, кто въ смерти твоего
отца виновенъ, покушался
скорѣй на жизнь мою, какъ видно.
Лазрть. Да, это ясно. Но скажите,
зачѣмъ такое злодѣянье
вы порѣшили, государь,
оставить безнаказаннымъ?

Король. По двумъ особеннымъ причинамъ,
которые тебѣ, пожалуй,
покажутся ничтожными,
но очень вѣски для меня.
Въ немъ мать его души не чаешь,
а я — не знаю: добродѣтель,
или недугъ, или слабость это —
я такъ душою связанъ съ ней,
что не рѣшился поводъ дать
смертельному ея удару.

Затѣмъ я потому не могъ
судь явный учинить надъ нимъ,
что онъ любимецъ и надежа
всего народа, о, который
всегда готовъ не только что
ему простить его пороки,
а ихъ зачесть ему въ заслугу, —
и мнѣ, а не кому иному,
за нихъ пришлось-бы заплатить.

Лазрть. И вотъ я благороднаго

отца лишился, а сестра,
которой я цѣны не знаю,
омрачена безуміемъ
на вѣки! О, я отомщу!

Король. О, будь покоенъ! Не подумай,
что я бездѣйствовать намѣренъ
и навлекать самъ на себя
бѣду — потѣхи ради, что-ли?
Ты вскорѣ болѣе услышишь:
я твоего отпа любить,
но также любимъ мы себя,
а потому, надѣюсь, ты
поймешь...

(Входитъ вѣстникъ).

Ну что? какія вѣсти?

Вѣстникъ. Отъ принца, государь, Гамлета
тутъ письма: вотъ для вашего
величества, а это здѣсь
для королевны.

Король. Отъ Гамлета?
Кто ихъ доставилъ?

Вѣстникъ. Говорить, —
матросы, государь, но я
не видѣлъ ихъ. Мнѣ передавъ
ихъ Клавдіо, который самъ

отъ посланнаго получилъ ихъ.

Король. Лазрть, вотъ ты услышишь. — Ладно.

(Вѣстникъ уходитъ; король читаетъ):

«Высокомогущественный! Да будетъ вамъ извѣстно, что я нагимъ высажень на вашъ берегъ. Завтра и испрошу дозволенія представиться очамъ вашего величества и доложу, съ вашего разрѣшенія, объ обстоятельствахъ своего внезапнаго и чудеснаго возвращенія. — Гамлетъ».

Что это? всѣ они вернулись?

или тутъ кроется обманъ?

Лазрть. Извѣстенъ почеркъ вамъ?

Король. Рука

Гамлета. Какъ? «нагимъ»? вотъ тутъ
приписка: «одинокимъ»... что-жъ?

ты въ состоянн разгадать?

Лазрть. Я самъ теряюсь, государь...

Но пусть онъ явится сюда!

о, я вдохну тогда вольнѣе,

когда удастся мнѣ ему

сказать въ лицо: «убійца — ты!»

Король. О, если это такъ, Лазрть, —

да какъ и быть тому иначе, —

то... хочешь слѣдовать моимъ

совѣтамъ?

Лазрть. Если, государь,

вы къ примиренію меня

склонять не будете, то я

согласенъ.

Король. Къ примиренію

съ самимъ собой. Разъ онъ вернулся,

то ужъ навѣрно не захочетъ

путь снова предпринять, передъ

которымъ онъ опѣшилъ. Вотъ что:

въ моемъ умѣ созрѣла мысль...

я вызову его на дѣло...

которое его погубить...
и ни малѣйшихъ подозрѣній
смерть за собой не повлечетъ...
и даже мать его навѣрно
въ ней умысла не заподозритъ,
признавъ одну случайность въ ней.

Лазрть. Я вамъ готовъ повиноваться —
особенно-же, если я
служить орудию вамъ буду.

Король. Вотъ это кстати мнѣ и нужно. —
Еще когда ты былъ въ отъѣздѣ
твое одно искусство много
превозносило при Гамлетѣ;
твои другія дарованія
не возбуждали столько въ немъ
соревнованія, какъ это, —
хотя въ моихъ глазахъ оно
значенія имѣетъ мало.

Лазрть. Что за искусство, государь?

Король. Два мѣсяца тому назадъ
насъ посѣтилъ нормандскій рыцарь;
я ужъ съ похода знаю франковъ:
они искусны на конѣ, —
но этотъ молодецъ на немъ
такія чудеса творилъ,
что мнѣ казалось — онъ съ нимъ сросся;
и всѣ препятствія, какія
придумать ни старался я,
онъ преодолевалъ, шутя.
Онъ былъ нормандецъ.

Лазрть. Да, нормандецъ.

Король. Такъ это былъ Ламондъ.

Лазрть. Онъ самъ.

Король. Онъ мнѣ знакомъ, и, въ самомъ дѣлѣ,
онъ — гордость нации своей.

Король. Онъ часто поминалъ тебя
и очень восхвалялъ твое
умѣнье владѣть оружіемъ,
особенно-жъ рапирами.
Вотъ было-бъ зрѣлище, когда —
съ восторгомъ разъ воскликнулъ онъ —
нашелся-бы тебѣ соперникъ,
который былъ-бы въ состоянн
на нихъ помѣриться съ тобой!
Слова эти воспламенили
въ Гамлетѣ зависть до того,
что онъ лишь думаетъ о томъ,
чтобъ ты вернулся поскорѣй
и попытался съ нимъ сразиться.
Такъ вотъ тебѣ...

Лазрть. Что, государь?

Король. Лазрть, ты дорожилъ отцомъ?
или твое горе наускное?

Лазрть. Зачѣмъ вы спрашиваете?

Король. Не потому, чтобъ сомнѣваться
въ твоей любви къ нему я думалъ...
но испытать я очень часто,
что время умѣряетъ пылъ:
коли хотимъ мы что исполнить,
то ждать-ли вамъ того мгновенья,
когда намѣренъе исчезнетъ? —
Но къ дѣлу. Ты увидишь вскорѣ
Гамлета: что-же предпринять
намѣренъ ты, чтобы явиться
не на словахъ лишь, а на дѣлѣ
достойнымъ сыномъ своего
отца?

Лазрть. Убить его во храмѣ!

Король. Нигдѣ убійство, это вѣрно,
не можетъ быть оправдано.

но и не знаетъ мѣсть предѣловъ...
и если ты рѣшился мстить,
то... оставайся лучше дома:
Гамлетъ, вернувшись, узнаетъ
о возвращеніи твоёмъ,
и снова мы ему напомнимъ
о томъ, что говорилъ французъ, —
превознесемъ твое искусство
превыше похвалы его —
и, наконецъ, сведемъ васъ вмѣстѣ
и будемъ биться объ закладъ...

Онъ въ простодушіи своемъ
осматривать клинокъ не станетъ,
а ты себѣ одну подмѣтишь
непритупленную рапиру —
и, изловчась, однимъ ударомъ
ему за смерть отца заплатишь.

Лазрть. Да, я готовъ такъ поступить,
а чтобъ играть навѣрняка...
я зельемъ уману свой мечъ,
которое какой-то знахарь
мнѣ продалъ. Этотъ ядъ настолько
сильнѣе, что стоить оцарапать
ножомъ, имъ отравленнымъ, тѣло
живого существа, какъ смерть
его тотчасъ-же наступаетъ.

Король. Все это слѣдуетъ обдумать...
когда, и какъ, и что навѣрно
насъ приведетъ къ желанной цѣли.
Вѣдь случай можетъ все испортить,
а потому необходимо
еще чѣмъ-либо запастись.
Дай мнѣ подумать... мы заявимъ
торжественный закладъ о томъ,
чья сторона одержитъ верхъ...

Нашель!

Когда отъ состязанья вы
почувствуете утомленіе, —
замѣть: ты долженъ жарче драться, —
и пить захочется ему,
велю подать ему я кубокъ,
къ которому лишь прикоснется
губами онъ, какъ свое дѣло
мы обезпечимъ на тотъ случай,
коль отъ смертельнаго удара
онъ увернется твоего.

(За сценой слышенъ говоръ).

Тише... что тамъ опять за шумъ?

(Входитъ Королева).

Въ чемъ дѣло, государыня?

Королева. Ахъ, горе слѣдуетъ за горемъ!

Твоя сестрица утонула.

Лазрть!

Лазрть. Какъ? утонула? гдѣ?

Королева. Тамъ, надъ ручьемъ склонившись, ива
свою листву въ немъ отражаетъ...
ахъ, тамъ она плела вѣнки,
и, чтобъ развѣсить ихъ на вѣтвяхъ,
она на дерево взобралась...
вдругъ ненадежный сукъ подъ ней
сломился, и она упала
съ трофеями своими въ волны:
но одѣяніе ея
на нихъ широко разостлалось
и на поверхности воды
её съ минуту удержало;
и на подобіе русалки,
словно вода ея стихія,
она плыла и пѣла пѣла...
но смогло одѣяніе вскорѣ

и пѣсни вдругъ ея затихли:

исчезла подъ водой бѣдняжка!

Лазрть. Ахъ, утонула! быть не можетъ!

Королева. Ахъ, утонула! утонула!

Лазрть. Не заливать тебя слезами,
сестра, коль утонула ты!
но не осилить мнѣ природы!
я не могу... я долженъ плакать...

простите, государь... простите... *(убѣгаетъ)*.

Король. Послѣдуемъ за нимъ, Гертруда.

Гнѣвъ утишилъ его съ трудомъ я...

боюсь, чтобъ вновь не закипѣлъ онъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Кладбище; кругомъ памятники. Въ срединѣ открытая могила; въ глубинѣ, за нею, на возвышеніи, часовня, къ закрытымъ дверямъ которой ведетъ нѣсколько ступеней. Вечерѣть.

(Два могильщика копаютъ могилу).

1-й могильщикъ. Будутъ-ли еѣ хоронить-то, какъ честнаго человѣка хоронять?

2-й могильщикъ. Будутъ, будутъ, чего зѣвать-то? — Освидѣтельствовали и положили хоронить по обычаю.

1-й могильщикъ. Да коли она утонула по собственному капризу?

2-й могильщикъ. Такъ ужъ положили, что не по собственному капризу.

1-й могильщикъ. Значить, по чужому, что-ли? какъ-бы не такъ! Вѣдь дѣло тутъ вотъ какое: если, значить, вотъ я утонулъ по собственному капризу, это, братецъ ты хой, такое дѣло, которое, какъ тебѣ сказать, изъ трехъ дѣлъ состоитъ: первое — самое, значить, дѣло; второе — выходить поступокъ,

а третье — само исполненіе. Такъ вишь ты, и слѣдуетъ изъ этого, что утонула-то она по собственному капризу.

2-й могильщикъ. А по моему, кумъ...

1-й могильщикъ. Нѣтъ, постой. Видишь-ли, примѣрно, тутъ вотъ стоитъ вода, — ладно; а тутъ стоитъ человѣкъ, — ладно. Если, значить, человѣкъ самъ пойдетъ къ водѣ и утопитъ, то, какъ-бы онъ потомъ ни отговаривался, а толкать-то его въ воду никто не толкалъ. А коли, въ противномъ случаѣ, сама вода подойдетъ къ нему и затопитъ его, то, значить, не самъ онъ утонулъ. Выходитъ поэтому — кто въ смерти своей не виноватъ, тотъ по собственному капризу и жизни не рѣшался.

2-й могильщикъ. Такъ-то такъ, да по закону-ли?

1-й могильщикъ. Какъ-же! согласно протоколу.

2-й могильщикъ. А хошь, правду скажу? Кабы она не была дворянкой, то и схоронили-бы еѣ гдѣ-нибудь на сторонкѣ.

1-й могильщикъ. Будь по твоему! Ну не жалостно-ли, что большымъ людямъ на свѣтѣ вѣшаться да топиться выходить гораздо поваднѣе, чѣмъ намъ, грѣшнымъ. Давай заступъ-то. Нѣтъ на свѣтѣ дворянъ такого древняго рода, какъ садовники, проповѣдники и могильщики. Ихъ ремесло перешло къ нимъ отъ Адама.

2-й могильщикъ. Да тотъ развѣ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. А кого-же перваго землею пожаловали, какъ не его? онъ-же первый и обмундировку получилъ.

2-й могильщикъ. Ладно!

1-й могильщикъ. А вотъ я тебѣ еще загадку загадаю. Не разгадаешь, такъ выругаю.

2-й могильщикъ. Загадывай, загадывай!

1-й могильщикъ. Кто строить прочій: каменщикъ, корабельщикъ, или плотникъ?

2-й могильщикъ. Висѣльныхъ дѣлъ мастеръ: его висѣлицы переживаютъ всѣхъ своихъ постояльцевъ.

1-й могильщикъ. Недурно, ей-Богу, недурно! да и висѣлица поступаетъ недурно: а чѣмъ недурно? а тѣмъ, что творитъ добро злодѣямъ; а коли злодѣямъ, такъ ужъ и тебѣ, доброму человѣку, сослужить службу, благо ей оказываешь такую преданность. Ну-ко-ся! валий сызнова.

2-й могильщикъ. Кто прочій строить: каменщикъ, корабельщикъ, или плотникъ?

1-й могильщикъ. Коли разгадаешь, будетъ тебѣ смѣна.

2-й могильщикъ. Ну вотъ, разгадай!

1-й могильщикъ. Ой-ли?

2-й могильщикъ. Да ну, къ лѣшему! нѣтъ, не разгадай.

(Въ глубинѣ показываются: Гамлетъ и Гораціо).

1-й могильщикъ. Брось. Видно, тебѣ башку напрягать, что осла запрягать: коль заартачится, бей ни бей, ничего не подѣлаешь! А въ случаѣ, когда кто другой тебѣ загадаетъ эту загадку, то скажи: могильщикъ; его постройки сослужатъ намъ службу до самаго свѣтопреставленія. Поди-тко въ кабакъ, принеси косушку. (2-й могильщикъ уходитъ; 1-й — копаетъ и поетъ):

Влюблялся въ молодости я,
какъ въ зиму, такъ и въ лѣто;
не улащало такъ меня
ништо, ништо, какъ это!

Гамлетъ. Этотъ стариканъ, кажись, не имѣетъ страданія къ своему ремеслу: роетъ могилу подъ звуки пѣсенки.

Гораціо. Привычка у него вошла въ плоть и кровь.

Гамлетъ. Ахъ, да! чѣмъ менѣе рука въ работѣ, тѣмъ она чувствительнѣе.

1-й могильщикъ (поетъ).

Но старость, крадучись, ко мнѣ
съ клякою подступала, —
и вскорѣ молодца вполнѣ
ужъ прежняго не стало!
(выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. Гм... Этотъ черепъ былъ однажды снабженъ языкомъ и также въ состояніи былъ пить. Какъ швырнулъ имъ этотъ плутъ! точно имѣть дѣло съ челюстью Каина, родоначальника всѣхъ убійцъ. А кто знаетъ? пожалуй, это была голова замѣчательнаго политика, который думалъ заткнуть за поясъ судьбы народовъ, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, оказался перехитреннымъ вотъ этимъ ослонъ. Не правда-ли?

Гораціо. Возможно.

Гамлетъ. А то и придворнаго, у котораго на языкѣ: «глубочайшее почтеніе принцу» да «какъ здоровье вашего высочества?» Это могъ быть графъ «такой-то», который расхваливалъ коня графа «такого-то», желая получить его въ подарокъ. Вѣрно?

Гораціо. Какъ-же, принцъ!

Гамлетъ. А теперь червячку на обѣдъ, недаромъ спать съ кожи: а могильщикъ хватъ его по челюсти заступомъ! Чудесная метаморфоза! если-бы мы были только способны услѣдить за нею! Ужъ не для того-ли и откармливались эти кости, чтобы въ послѣдствіи ими играли въ бабки? При одной мысли у меня свои заняли!

1-й могильщикъ (поетъ).

И снится мнѣ теперь одна
досчатая неволя;
вотъ нынѣ какова она —
старинишкина доля!

(выбрасываетъ другой черепъ).

Гамлетъ. Вотъ и еще одинъ: почему-бы ему не быть черепомъ какого-нибудь законовѣда? Гдѣ теперь

его князю, увѣтки, казуистика, гонорары да плутни? Какъ это онъ, спокойно выносить такіе подзатыльники отъ нахала и вовсе не думаетъ подавать на него жалобу объ оскорбленіи дѣйствіемъ? Гм... а то и, быть можетъ, это было въ свое время дока по части покупокъ всевозможныхъ имѣній съ залогомъ да перезалогомъ ихъ, съ кредитомъ подъ простыя обязательства, или же съ двойнымъ ручательствомъ, и наконецъ съ выкупомъ ихъ съ помощью подставныхъ лицъ, или резерваций. И это должна быть расплата за недоимки; взаимныя резервации — выговоренное право пополнить драгоценную мозговую обитель мусоромъ, разъ для его купчихъ крѣпостей едва-ли въ ней хватить мѣста. Да! самъ-то владѣлецъ съ небольшимъ надѣломъ остался! Скажи-ка, вѣдь пергаментъ изъ бараньей кожи выдѣлывается?

Горацио. Да, принцъ, и изъ телячьей — тоже.

Гамлетъ. Ну не бараны-ли, не телята-ли тѣ, которые думаютъ на немъ обезпечить свои права на владѣніе? — Мнѣ хотѣлось-бы поговорить со старикомъ. (*Подходитъ къ могильщику*) Чья это могила, братецъ?

1-й могильщикъ. Моя, сударь. (*Поетъ*)

Вотъ нынѣ какова она —
старинушкина доля!

Гамлетъ. Пожалуй, твоя, пока ты не выйдешь изъ нея.

1-й могильщикъ. Вамъ, сударь, изъ нея не выйти — значитъ, не ваша, а я изъ нея хоть и не выхожу, а всё-жъ-таки — моя!

Гамлетъ. Вранье-то твое оттуда ужъ вышло. Разъ могила для мертвыхъ, а не для живыхъ, значитъ, совралъ.

1-й могильщикъ. За то и живо совралъ, благо не себя, а вамъ.

Гамлетъ. Ну, говори, какому-такому барану ты могилу роешь?

1-й могильщикъ. Никакому и ни такому.

Гамлетъ. Ну баранъ... или барышнѣ?

1-й могильщикъ. Ни баранъ и ни барышнѣ.

Гамлетъ. Кого-жъ тутъ похоронять?

1-й могильщикъ. Была она барышней, но Царство Небесное ей, померла.

Гамлетъ (*Горацио*). Каковъ чудакъ? Съ нимъ нескоро договоришься. Въ самомъ дѣлѣ, Горацио, мнѣ приходилось часто подмѣчать за послѣдніе годы, что остроуміе всюду такъ расплодилось, что нынѣ мужакъ въ немъ придворному не уступать. (*Могильщику*) Давно-ли ты въ могильщикахъ?

1-й могильщикъ. А съ того самого дня, сударь, въ который Богъ далъ покойному королю первую побѣду надъ Норвежцемъ.

Гамлетъ. А давно это было?

1-й могильщикъ. А вы и не знаете? Каждый дуракъ вамъ скажетъ. Въ тотъ самый день появился на свѣтъ молодой Гамлетъ, который нынче ума рѣшился и въ Англію сосланъ.

Гамлетъ. Вотъ какъ! Зачѣмъ-же его въ Англію-то сослали?

1-й могильщикъ. Да вотъ потому, что умъ растерялся. Тамъ, полагаютъ, разнытъ его; а коли не разнытъ, и то не бѣда.

Гамлетъ. Отчего-же?

1-й могильщикъ. Да тамъ ему это сойдеть: тамъ всё, какъ и онъ, сумасшедшіе.

Гамлетъ. Какъ-же это такъ онъ сошелъ съ ума?

1-й могильщикъ. Чудно, говорятъ.

Гамлетъ. Какъ чудно?

1-й могильщикъ. Какъ ума рѣшился, такъ и сошелъ съ ума.

Гамлетъ. А на чемъ именно онъ помѣшался, не знаешь?
1-й могильщикъ. Какъ не знать! на датской землѣ, сударь: я вотъ на ней тридцать лѣтъ, какъ въ могильщикахъ состою.

Гамлетъ. А долго-ли пролежить покойникъ въ землѣ, пока не сгниетъ?

1-й могильщикъ. Коли онъ при жизни еще не рас- трескался, какъ это часто бываетъ, то отъ восьми до девяти лѣтъ продержится. Вотъ черепъ, кото- рый пролежалъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей онъ былъ?

1-й могильщикъ. А шутника порядочнаго. Чей-бы вы думали?

Гамлетъ. Ей ей, не знаю.

1-й могильщикъ. А не помянуть-бы его лихомъ: онъ окатилъ разъ меня виномъ изъ бутылки. Этотъ черепъ былъ когда-то черепомъ шута гороховаго, Юрика.

Гамлетъ. Этотъ?

1-й могильщикъ. Этотъ самый.

Гамлетъ. Покажи... *(беретъ черепъ)* Увы, бѣдный Юрикъ! я помню его. Гораціо; это былъ вѣчный забавникъ — полонъ замѣчательныхъ затѣй. Онъ постоянно таскалъ меня на сивнѣ, а теперь — какъ претить отъ него воображенію, даже тошно стано- вится. Вотъ тутъ висѣли тѣ губы, которыми я цѣ- ловалъ бесчестно. Гдѣ теперь твои насмѣшки, прыжки, пѣсни, веселіи, возбуждавшія за столомъ всеобщій взрывъ хохота? А выль по- смѣется-ли кто надъ твоимъ зубоскальствомъ? А щеки-то какія у тебя впалыя! Такъ поди-же, обѣ- гай скорѣй въ уборную къ барыни и скажи ей, что, сколько-бы она румянъ и бѣлилъ ни накладывала, всё-же въ концѣ концовъ лицо у нея будетъ точно такое же: разсмѣши её этимъ. — Прошу тебя, Гораціо, скажи мнѣ одно...

(2-й могильщикъ возвращается съ косушкой; оба уповаются).

Гораціо. Что именно, принцъ?

Гамлетъ. Думаешь-ли ты, что Александръ Великій имѣлъ въ землѣ такой-же видъ?

Гораціо. Точно такой-же.

Гамлетъ. И также попахивать? фу! *(бросаетъ черепъ)*.

Гораціо. Точно также.

Гамлетъ. И вотъ для какихъ униженныхъ цѣлей намъ суждено послужить: развѣ наше воображеніе не въ состояніи послѣдовать за прахомъ великаго царя Македонскаго, пока мы не найдемъ его въ какой нибудь замазанной имъ щели?

Гораціо. Это ужъ было-бы черезчуръ ко всему при- глядываться.

Гамлетъ. Ничуть не бывало. Можно было-бы безъ натяжки послѣдовать за нимъ, нисколько не грѣша противъ вѣроятности. Напримѣръ такъ: Александръ Македонскій умеръ, похороненъ и обратился въ прахъ; прахъ — земля; изъ земли дѣлается глина; почему-же глиною, въ которую онъ обратился, нельзя было бы замазать щель... ну хоть пивной бочки?

Великій Кесарь, обратившись въ глину, отъ сквозняка намъ охраняетъ спину: предъ кѣмъ народы преклонялись — ахъ! того замазкою сталъ нынѣ прахъ...

Но тише, тише! Отойдемъ... Ужъ не король-ли? *(Колокольный звонъ. Собирается народъ. Двери часовни открываются; звуки органа. Выходятъ изъ часовни нажи съ факелами и останавливаются по сторонамъ ступеней. Затѣмъ похоронная процессія, во главѣ которой похоронная пасторъ; за нимъ несутъ гробъ, за которымъ слѣдуетъ Лазрть, затѣмъ Король, Королева, свита и пр. Гамлетъ и Гораціо скрываются за однимъ изъ памятниковъ и наблюдаютъ).*

Лазрть. Прости, сестрица дорогая!

Гамлетъ (Горацио). Офелія! о, быть не можетъ!
(склоняетъ голову наплечо Горацио; могилянники опускаютъ гробъ въ могилу).

Королева. Цвѣтку прелестному — цвѣты!

(бросаетъ въ могилу цвѣты).

Прости! моя была надежда —

убрать тебя цвѣтами, какъ

невѣсту сына моего,

прелестная Офелія,

а не твою могилу... о!..

(закрываетъ лицо рукою).

Лазрть. О, будь тотъ проклять, чей поступокъ

чудовищный затмилъ твой умъ!

Нѣтъ, нѣтъ! еще не зарывайте:

хочу еще разъ я проститься...

(примаетъ въ могилу).

Засыпьте и меня землею...

засыпьте такъ, чтобы цѣлый холмъ

надъ нашей общою могилой

высоко къ небу воздымался!

Гамлетъ (выходя). Кто тутъ увлекся такъ печалью?

Кто это, чьи слова тоски

звучать такъ странно, что готовы

остановить теченье звѣздъ?

Я здѣсь — Гамлетъ-датчанинъ!

(примаетъ въ могилу).

Лазрть (хватаетъ его за горло). Дьяволъ!

Гамлетъ. Ты плохо молишься... оставь...

зачѣмъ за горло ухватился?!

совѣтую тебѣ... прочь руку!

(Они борются).

Король. О, разнимите ихъ скорѣй!

Королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

Придворные (бросаются къ нимъ). Оставьте! тише!

Горацио. Прошу васъ, успокойтесь, принцъ!

(Нѣкоторые изъ свиты разнимаютъ ихъ; они вытаскиваютъ изъ могилы).

Гамлетъ. Я этого такъ не оставлю!

Королева. Ахъ, что такое, сынъ мой?

Гамлетъ. О!

и я любилъ Офелію,

и я! На сорокъ тысячъ братьевъ

моей любви хватило-бы

съ избыткомъ! Что же для нея

готовъ ты сдѣлать?

Король. Онъ съ ума

сошелъ, Лазрть.

Королева. Ради Небесъ,

о пощади его!

Гамлетъ. На что

готовъ ты? говори-же! плакать?

поститься? драться? разорваться?

И я готовъ! и я! а ты,

на зло мнѣ, прыгаешь въ могилу

и хочешь быть съ ней погребеннымъ!..

несешь вадоръ о холмахъ какихъ-то!

Вѣдь хвастаться и я умѣю!

Король (Лазрту). Припадокъ бѣшенства... Пройдетъ!

Гамлетъ. Къ чему-жъ хватать меня за горло?

вѣдь я тебя всегда любилъ...

Но впрочемъ это ничего!

Что-бъ ни задумалъ Геркулесъ,

а волкъ глядѣть все будетъ въ лѣсъ!

(постынно уходитъ: Горацио, по знаку короля, идетъ за нимъ; король жестами старается успокоить Лазрта и королеву).

АКТЪ V.

Большое помѣщеніе во дворцѣ (изъ второго акта). Въ глубинѣ, на сторонѣ, на возвышеніи — столъ и два кресла для короля и королевы. Открытый видъ на терассу и море.

(Входятъ: Гамлетъ и Гораціо).

Гамлетъ. Объ этомъ будетъ. Перейдемъ теперь къ другому. Помнишь ты всѣ обстоятельства отъѣзда?

Гораціо. Какъ мнѣ не помнить, принцъ!

Гамлетъ. Борьба

душевная мнѣ не давала покоя: мое положеніе мнѣ не завиднѣе казалось судьбы мятежника въ оковахъ... и я рѣшился — о, спасибо явившейся рѣшимости!... на необдуманный поступокъ. Признаться, необдуманность подчасъ бываетъ намъ полезной, коль замыселъ готовъ распасться. Намъ это учить, что исходъ затѣй всѣхъ хитроумныхъ нашихъ отъ воли Божества зависить.

Гораціо. О, какъ вы правы, принцъ!

Гамлетъ. Накинувъ матросскій плащъ, я отыскалъ вхъ, — стащилъ пакетъ и счастливо

вновьмахъ въ каюту возвратился. Недолго думая, сорвалъ я королевскую печать... и что-жъ нашель?.. какую подлость! приказъ строжайшій короля, подмасленный резонами о благѣ государствъ союзныхъ и страшными угрозами, на случай я въ живыхъ останусь: по предъявленіи моей особы — лишь наточенъ мечъ — снять голову съ меня тотчасъ-же!

Гораціо. Не можетъ быть!

Гамлетъ. Вотъ тутъ приказъ. Его ты лучше на досугѣ самъ прочитаешь. Хочешь знать, что сдѣлалъ я затѣмъ?

Гораціо. Прошу васъ.

Гамлетъ. Со всѣхъ сторонъ опутанный сѣтями, не успѣвъ обдумать, какъ къ дѣлу приступить, я взялся уже за дѣло: сталъ строчить прекраснымъ почеркомъ приказъ... Когда-то думалъ я, подобно вельможамъ нашимъ, — недостойно красивымъ почеркомъ владѣть, и всѣми силами старался его испортить, но теперь онъ оказалъ великія услуги мнѣ! Такъ хочешь знать, Гораціо, что написалъ я?

Гораціо. О, да, принцъ!

Гамлетъ. Предписаніе строжайшее отъ имени царя — британскому вассалу:

доколь онъ вѣрный данникъ нашъ,
и уважаетъ нашъ союзъ,
и дружбой нашей дорожить,
и прочее, и прочее...
какъ только приметъ къ свѣдѣнью
онъ содержаніе посланья, —
пускай, безъ всякихъ разсужденій,
онъ предъавителей казнить,
не давъ покаяться имъ сроку!
Горацио. Но чѣмъ вы запечатали?
Гамлетъ. И тутъ видна рука судьбы:
въ дорожной сумкѣ я нашелъ
печать отца, подобную
печати государственной.
Сложивъ письмо по образцу
другого, надпись сдѣлалъ и
и приложилъ затѣмъ печать —
и свесъ обратно къ нимъ на мѣсто.
Подлогъ никѣмъ былъ не замѣченъ.
На слѣдующій день была
морская стычка... остальное
тебѣ извѣстно.

Горацио. Значить, оба,
и Розенкранцъ и Гильденштернъ
идутъ на вѣрную гибель...

Гамлетъ. Ну, да! кто изъ велѣлъ соваться?
Ихъ участь не волнуетъ совѣсть
мою: они вольстались сами
въ гибель. Горе низкимъ душамъ,
коль встанутъ на пути они
двухъ нападающихъ бойцовъ
могучихъ!

Горацио. Но каковъ король!

Гамлетъ. Представь себѣ: могу теперь
и оставаться равнодушнымъ?

Отца убилъ онъ моего,
мать опозорилъ, втерся между
народа волей и моими
надеждами — и наконецъ
на жизнь мою онъ покусился
съ такимъ коварствомъ: такъ ужъ тутъ
не долгъ-ли совѣсти возмездье
воздать ему рукой моею!
Будь проклятъ я, коль эта язва
дальнѣйшее опустошеніе
произведетъ на нашемъ тѣлѣ!

Горацио. Но скоро онъ изъ Англіи
получить донесеніе
объ исполненіи приказа.

Гамлетъ. Скоро, по промежутку мой!
а человѣка жизнь: разъ, два —
конецъ! Однимъ лишь огорченъ я,
что такъ забылся я — съ Лазртомъ:
въ его я дѣлѣ своего —
усматриваю отраженіе.
Я долженъ помириться съ нимъ...
но, въ самомъ дѣлѣ, это чванство
печалью довело меня
до бѣшенства!

Горацио. Идутъ; потише.

(Входитъ Осрикъ).

Осрикъ. Ваше высочество, позвольте васъ поздравить
съ возвращеніемъ въ Данію.

Гамлетъ. Покорнѣйше благодарю васъ, сударь. (To-
racio) Знаешь-ли ты, что это за птица?

Горацио. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для спасенія души твоей: знать
его — лишній грѣхъ для нея. У него много плодо-
родныхъ земель и пастбищъ: вѣдь если скотъ гос-

подствуешь надъ скотомъ, то и стойло его помѣщается около королевскаго стола.

Осрикъ. Милостивѣйшій принцъ, если у вашего высочества окажется нѣсколько минутъ свободнаго времени, то я имѣлъ-бы передать вамъ кое-что отъ его величества.

Гамлетъ. Я готовъ со вниманіемъ выслушать васъ, сударь. На мѣсто со шляпой. Она для головы.

Осрикъ. Благодарю васъ, ваше высочество, — очень жарко.

Гамлетъ. О, нѣтъ! позвольте — очень холодно. Вѣтеръ съ сѣвера.

Осрикъ. Дѣйствительно, холодновато, принцъ.

Гамлетъ. А всё-жъ-таки мнѣ кажется, ужасно душно и жарко — для моего тѣлосложенія.

Осрикъ. Чрезвычайно жарко, принцъ, то-есть какъ будто-бы очень жарко, не знаю сказать — какъ именно. Ваше высочество, его величество приказали мнѣ сообщить вамъ, что они изволили поставить большой закладъ на вашу голову... дѣло именно вотъ въ чемъ...

Гамлетъ. Однако — вы забыли... поставить на вашу голову... *(принуждаетъ его надѣть шляпу)*.

Осрикъ. Позвольте... въ самомъ дѣлѣ, оно такъ удобно, въ самомъ дѣлѣ! — Недавно сюда ко двору возвратился Лазръ; увѣряю васъ, кавалеръ въ полномъ смыслѣ этого слова — превосходѣйшихъ качествъ, съ утонченѣйшими манерами и блестящею наружностью. Въ самомъ дѣлѣ, говоря съ умомъ и разумомъ, онъ является образцомъ рыцарства, такъ какъ въ немъ вы навѣрно усмотрите, такъ сказать, воплощеніе всѣхъ дарованій, какихъ только вообще могъ-бы пожелать себѣ истинный дворянинъ.

Гамлетъ. Милостивый государь, онъ, ей-Богу, насколько не пострадаетъ отъ вашего описанія его примѣтъ, хотя я и увѣренъ въ томъ, что у умственной арифметики пошла-бы голова кругомъ отъ перечисленія его свойствъ поштучно. Да и едва-ли возможно, хотя-бы поверхностно, оцѣнить грузъ корабля, несущагося на всѣхъ парусахъ. Но, вставъ на точку зрѣнія осмысленнаго восхищенія, я готовъ признать въ немъ великаго генія съ столь рѣдкими и драгоцѣнными внутренними достоинствами, что, правду говоря о немъ, лишь въ зеркалѣ можетъ отразиться что-либо подобное, а кто-бы рѣшился пойти по его стопамъ, тотъ оказался-бы его тѣнью, не болѣе.

Осрикъ. Ваше высочество изволите выражаться о немъ безошибочно.

Гамлетъ. Въ чемъ-же дѣло, сударь? Съ какой стати наши грубыя рѣчи касаются этого рыцаря?

Осрикъ. Принцъ...

Гораціо. Не можете-ли вы инымъ языкомъ объяснить. Вы навѣрно въ состояніи.

Гамлетъ. При чемъ-же тутъ этотъ кавалеръ?

Осрикъ. Лазръ?

Гораціо (Гамлету). Кошелекъ его опустѣлъ: всѣ позволенные слова израсходованы.

Гамлетъ. Да, сударь, онъ самый.

Осрикъ. Я знаю... вамъ безызвѣстно...

Гамлетъ. Я желалъ-бы, чтобы вы это знали, хотя, клянусь вамъ, если-бы вамъ было извѣстно, что мнѣ безызвѣстно, то оно не принесло-бы мнѣ чести. Итакъ, сударь?

Осрикъ. Вамъ безызвѣстно, въ какомъ совершенствѣ Лазръ...

Гамлетъ. Я и мысли не допускаю, чтобы я могъ равняться съ нимъ въ совершенствѣ; вѣдь познать

вполнѣ человека всё равно, что познать самого себя.

Осрикъ. Я говорю относительно его искусства фехтовать. По общему мнѣнію, онъ не имѣетъ въ немъ соперниковъ.

Гамлетъ. Его оружіе?

Осрикъ. Рапира и шпага.

Гамлетъ. Это два рода оружія; но ничего.

Осрикъ. Его величество бились съ нимъ объ закладъ на шесть берберійскихъ коней, противъ которыхъ Лазертъ, какъ мнѣ извѣстно, заложилъ шесть французскихъ шпагъ и столько-же кинжаловъ со всѣми принадлежностями, какъ-то: кушаками, портунеями и такъ далѣе. Три лафета, дѣйствительно, замѣчательной красоты, игрушки, да и только!

Гамлетъ. Что вы подразумеваете подъ лафетами?

Горацио (Гамлету). Я такъ и думалъ, что вамъ придется еще насладиться его побочными примѣчаніями.

Осрикъ. Лафеты, ваше высочество... это портунеи.

Гамлетъ. Выраженіе было-бы болѣе подходящее, если-бы мы могли носить на поясъ пушку; пока-же пусть портунеи останутся портунеями. Но далѣе: шесть берберійскихъ коней противъ шести французскихъ шпагъ съ принадлежностями и трехъ замѣчательно придуманныхъ лафетовъ: это выходитъ французскій закладъ противъ датскаго. Къ чему-же это они прозакладывали, или *заложили*, какъ вы выражаетесь?

Осрикъ. Король держалъ пари, что Лазертъ изъ двѣнадцати ударовъ съ обѣихъ сторонъ съвыше трехъ не будетъ имѣть впередъ, другими словами напередъ вамъ не болѣе девяти ударовъ. Испытаніе можетъ состояться немедленно-же, если ваше высочество изволите дать утвердительный отвѣтъ.

Гамлетъ. Если-же я отвѣчу: нѣтъ?

Осрикъ. Я хотѣлъ сказать, если ваше высочество согласны предоставить особу свою на это испытаніе.

Гамлетъ. Я буду прогуливаться здѣсь по залѣ; если его величеству угодно, — теперь кстати время, когда я имѣю обыкновеніе подкрѣпляться воздухомъ, — велите принести рапиры; въ случаѣ благо-родный рыцарь изъяснитъ готовность, а король останется при своемъ намѣреніи, я постараюсь доставить его величеству побѣду; въ противномъ случаѣ самъ я ничего отъ этого не выиграю, кромѣ равнѣ стыда да сверхсчетныхъ ударовъ.

Осрикъ. Прикажете, принцъ, въ точности такъ доложить?

Гамлетъ. Точно такъ, сударь, съ цвѣтами краснорѣчія по собственному вашему усмотрѣнію.

Осрикъ. Препоручаю себя благосклонности вашего высочества. (*уходитъ*)

Гамлетъ. Весь вашъ. — Хорошо еще, что онъ самъ себя препоручаетъ: едва-ли кто-либо другой препоручилъ-бы его.

Горацио. Эта пугалица вытупилась изъ яйца со скорлупою на головѣ.

Гамлетъ. Къ материнской груди онъ уже прикладывался съ церемоніями. Такимъ образомъ онъ и многіе другіе одинаковаго съ нимъ полета, отъ которыхъ, насколько я вижу, нашъ вѣкъ безъ ума, подлазились къ духу времени, нахватавшись наружнаго лоска, какой-то пѣнящейся бурды, которая даетъ имъ возможность справляться, какъ съ глупѣйшими, такъ и умнѣйшими сужденіями человека. Но стоитъ только ради испытанія подобныхъ лицъ дунуть, какъ мыльные пузыри ихъ лопнуть.

(*Входитъ придворный*).

Придворный. Ваше высочество, молодой Осрикъ только что доложилъ его величеству, что вы изволите ожидать короля здѣсь въ залѣ. Король послалъ меня узнать, остаетесь-ли вы при готовности состязаться съ Лаэртомъ въ фехтованіи, или жетребуете отсрочки?

Гамлетъ. Я остаюсь вѣрныя принятому рѣшенію, которое вполнѣ согласуется съ желаніемъ короля. Смотра по тому, какъ ему будетъ удобно, я готовъ теперь, или-же во всякое другое время... въ томъ предположеніи, разумѣется, что я буду тогда также въ состояніи, какъ и въ настоящую минуту.

Придворный. Король и королева, всѣ уже собираются сюда.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева изволила выразить желаніе, чтобы ваше высочество, передъ состязаніемъ, обратились къ Лаэрту съ словами примиренія.

Гамлетъ. Ея наставленіе недурно.

(Придворный уходитъ).

Горацио. Вы проиграете, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю: когда онъ поѣхалъ во Францію, я не переставалъ послѣ того упражняться; а при такомъ неравномъ закладѣ, я выиграю. — Но ты себѣ представить не можешь, какъ у меня сердце заныло. Но это пустяки...

Горацио. Однако, мой дорогой принцъ...

Гамлетъ. Такъ — глупости. А все-же нѣчто въ родѣ дурного предчувствія, которое женщину вѣроятно-бы испугало.

Горацио. Если ваше чувство противится чему-либо, то повинуйтесь ему: а чтобы они не явились сюда, я предупреждаю ихъ и скажу, что вы нерасположены.

Гамлетъ. Ни за что. Отнесемся съ пренебреженіемъ ко всякимъ примѣтамъ: безъ воли Провидѣнія воровлю не погибнуть. Что должно нынѣ быть, того потомъ не будетъ; если-же оно потомъ не будетъ, то

теперь случится; если-же теперь не случится, то все-же оно будетъ. Главное — быть ко всему готовымъ. Разъ никому неизвѣстно, съ чѣмъ, въ сущности, человѣкъ разстается, велика-ли бѣда — разстаться преждевременно?..

(Звукъ трубъ. Съ террасы появляются пажы и тѣлохранители, за ними: Король, Королева, Лаэртъ, Осрикъ, придворные и свита).

Король. Приди сюда, Гамлетъ: прими вотъ эту руку отъ меня...

(соединяетъ руки Гамлета и Лаэрта).

Гамлетъ. Прошу у васъ прощенья, рыцарь...

я оскорбилъ васъ, но простите, какъ благородный дворянинъ. Всѣ тутъ собравшіеся знаютъ, и вамъ навѣрно ужъ извѣстно, сколь мрачнымъ я томию разстройствомъ. То, что я сдѣлалъ:

что душу вашу, самолюбие и честь такъ сильно возмутило — я объявляю сумасбродствомъ. Гамлетъ-ли оскорбилъ Лаэрта? о, нѣтъ! Когда въ Гамлетѣ нѣтъ Гамлета, коль онъ самъ не свой — и оскорбляетъ вдругъ Лаэрта, то не Гамлетъ такъ поступаетъ: онъ отъ поступка отрекнется... Кто-жъ виноватъ? *его безумство.*

Во всеуслышаніе здѣсь васъ завѣряю, что я чуждъ былъ всякихъ замысловъ дурныхъ, въ надеждѣ получить отъ васъ великодушное прощенье.

Лаэртъ. Въ душѣ я удовлетворенъ, хотя ей слѣдовало-бы всего скорѣе жаждалъ мести.

Но честь моя — другое дѣло...
она не можетъ примириться,
пока судъ опытныхъ людей
не дастъ совѣтъ свой и рѣшеніе
къ ея возстановленію.

А до тѣхъ поръ — принять готовъ я
предложенную вами дружбу,
которую я не намѣренъ
загнать чѣмъ-бы ни было.

Гамлетъ. Съ радостіемъ встрѣчаю друга
и принимаю братскій вызовъ.
Сюда рапиры!

Лазръ. Мнѣ одну.

Гамлетъ. Я кукольной мишенью буду:
твое искусство предъ моею
неловкостью то, что звѣзда
блестящая на темномъ небѣ!

Лазръ. Принцъ, вы смѣтаете надо мной!

Гамлетъ. О, нѣтъ! клянусь рукою этою!

Король. Рапиры предложи имъ, Осрикъ.
Гамлетъ, закладъ тебѣ извѣстѣнъ?

(*Пажы приносятъ на подушкахъ рапиры*).

Гамлетъ. Да, въ совершенствѣ: вашему
величеству угодно было
дать перевѣсъ слабѣйшему. (*Онъ и Лазръ
выбираютъ и испытываютъ рапиры*).

Король. Я не боюсь: я видѣлъ васъ
фехтующими. Онъ съ тѣхъ поръ
успѣлъ усовершенствоваться,
а потому онъ далъ впередъ намъ.

(*Король и королева занимаютъ мѣста у стола*).

Лазръ (*испытывая рапиру*). Нѣтъ, эта тяжела. Прошу
другую.

Гамлетъ (*также*). Эта хороша.
Всѣ одинаковой длины?

Осрикъ. Да, всѣ, ваше высочество.

(*Они приготавливаются къ фехтованію*).

Король. Вино сюда на столъ поставьте.

(*Пажи исполняютъ*).

Коль въ первый разъ, иль во второй —
Гамлетъ Лазрту нанесетъ
ударъ, иль въ третій —, отразивъ
его, ему отвѣтитъ, — пусть
громъ пушекъ возвѣститъ побѣду.
Тогда король за здравіе
Гамлета кубокъ свой подниметъ
съ жемчужиною въ немъ, цѣнище
тѣхъ жемчуговъ, которые
четыре датскихъ короля
носили на вѣнцѣ своемъ.
Сюда поставьте кубки. Пусть
литавры трубамъ, трубы пушкамъ,
а пушки небу, небо-же землѣ
тотчасъ-же съ громомъ возвѣстятъ
тостъ королевскій въ честь Гамлета.
Начните. — Судьи, будьте зорки.

Гамлетъ. Готовы?

Лазръ. Я къ услугамъ вашимъ. (*Сажаетъ
тутю на королю и королевѣ, затѣмъ фехтуютъ*).

Гамлетъ. Разъ!

Лазръ. Нѣтъ.

Гамлетъ. Судьи!

Осрикъ. Ударъ! не можетъ быть сомнѣнья.

Лазръ. Ну, хорошо. Еще разъ.

Король. Стойте!

Гамлетъ, жемчужина — твоя! (*опускаетъ
жемчужину въ кубокъ; затѣмъ беретъ другой*).
Пью за твое здравіе.

Подайте ему кубокъ этотъ. (*Трубы и ли-
тавы; за сценою пушечный залпъ; одинъ изъ па-
жей подноситъ Гамлету кубокъ съ жемчужиною*).

Гамлетъ. Сперва еще разъ мы пройдемся. *(Шагу)*
 Поставь туда на столъ. *(Шагъ ставитъ кубокъ передъ королевою; Лазрту)* Идешь?
(Фехтуютъ).

Опять ударъ! ну, что ты скажешь?

Лазртъ. Коснулся, да! я допускаю.

Король *(королеву)*.

Нашъ сынъ одержитъ верхъ надъ нимъ.

Королева. Онъ полонъ тѣломъ и запышлливъ.

Гамлетъ, вотъ мой платокъ возьми
 и оботри свой лобъ. Сынъ мой,
 я пью за счастье твое! *(беретъ кубокъ).*

Гамлетъ. Но, матушка...

Король *(встаетъ)*. Не пей, Гертруда!

Королева. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ, супругъ мой...
(отпиваетъ и отдаетъ кубокъ Лазрту, который подноситъ его Гамлету; трубы и пушечный залпъ).

Король *(въ сторону)*. Жемчужина съ отравой. Поздно!

Гамлетъ. Теперь мнѣ пить нельзя. Сейчасъ.

Королева. Дай, вытру я тебѣ лицо... *(встаетъ и хочетъ идти къ нему, но останавливается и хватается за столъ).*

Лазртъ. Смотрите, государь, теперь
 ударъ за мной.

Король *(искоса наблюдая за королевою)*. Не думаю.

Лазртъ *(въ сторону)*. А всё-же противъ совѣсти...

Гамлетъ. Ну, въ третій разъ... Зачѣмъ ты медлишь?

Всѣ силы напруги свои:
 боюсь, ты надо мной смѣешься!

Лазртъ. Вы думаете, принцъ? Идешь! *(фехтуютъ).*

Осрикъ. Ни здѣсь, ни тамъ.

Лазртъ. Теперь держитесь!

(ранитъ Гамлета; затѣмъ Гамлетъ выбивается у Лазрта раниру).

Король. Довольно... вы разгорячились...

Гамлетъ. Еще разъ! *(предлагаетъ Лазрту свою*

раниру; Лазртъ нерешительно принимаетъ ее; Гамлетъ поднимаетъ раниру Лазрта; снова фехтуютъ; Гамлетъ ранитъ Лазрта. Королева со стономъ падаетъ безъ чувствъ).

Осрикъ. За королевою смотрите!

(Придворныя дамы окружаютъ королеву).

Гораціо. Что это? у обоихъ кровь!

Ну, какъ вамъ, принцъ? *(обращаетъ вниманіе Гамлета на то, что послѣдній раненъ).*

Осрикъ. Ну что, Лазртъ?

Лазртъ *(хватается за грудь; Осрику)*.

Попался въ собственныхъ сѣтяхъ...

Наказавъ за измѣну, Осрикъ...

(Осрикъ поддерживаетъ его).

Гамлетъ. Что съ королевою?

Король *(около нея)*. Она,

увидя кровь, лишилась чувствъ.

Королева. Нѣтъ, нѣтъ! напитокъ! милый сынъ мой!
 тамъ ядъ былъ... меня отравили! *(умираетъ).*

Гамлетъ. Измѣна! Запирайте двери!

Искать измѣнника! злодѣя!

(Тѣлохранители занимаютъ выходы).

Лазртъ *(падаетъ)*.

Онъ здѣсь, Гамлетъ! и ты погибъ!

Орудье смерти у тебя,

непритуленное, съ отравой.

Мое коварство и меня

сгубило, и я умираю...

Отравлена и мать твоя...

я не могу... король виной, король!

Гамлетъ *(осматривая конецъ раниры)*.

Непритуленное, съ отравой?

Такъ ядъ, исполни-жъ свое дѣло!

(поражаетъ ранирою короля и поспѣшно беретъ со стола кубокъ съ ядомъ).

Осринъ и придворные. Измѣна! измѣна!
(бросаются къ королю).

Король. Я раненъ только... помогите!

Гамлетъ. Убийца ты! развратникъ подлый!
возьми жемчужину свою! (оттолкнувъ
Осрика, который хотѣлъ помѣшать ему, вы-
плескиваетъ въ короля изъ кубка напитокъ съ
жемчужиной; король умираетъ. На моръ по-
является, подъ англійскимъ флагомъ, корабль,
приближающійся къ терассѣ).

Лазрть. Овъ заслужилъ... онъ отравитель...
Прости, Гамлетъ, какъ я тебѣ
отца смерть и свою прощаю... (умираетъ).

Гамлетъ (поддерживаемый Гораціо).
Господь простить... Я за тобой.
Гораціо, смерть наступаетъ...
Ахъ! матушка несчастная...
прощай!—Что? вы потрясены,
свидѣтели ужасныхъ дѣлъ!
молчите?... я бы рассказалъ вамъ...
но смерть не ждетъ... Гораціо,
конецъ со мною... но ты живъ...
ты все расскажешь...

Гораціо. Нѣтъ! не я!
я римлянинъ, а не датчанинъ!
(беретъ у него кубокъ)
Тутъ капель нѣсколько осталось...

Гамлетъ. Коль мужъ ты, возврати мнѣ кубокъ...
ради Небесъ!.. отдай, отдай! (беретъ у него
кубокъ и бросаетъ на полъ; вдали звуки военного
марша; къ Осрику подбѣгаютъ нѣсколько при-
дворныхъ и говорятъ съ нимъ).
О, если любишь ты меня,
живи, чтобъ оправдать Гамлета.
(Промъ нушекъ).
Что тамъ за звуки боевые?

Осринъ. Изъ Польши побѣдителемъ
вернувшись, юный Фортиnbrасъ
пословъ привѣтствуетъ британскихъ.
(Съ корабля раздается отъѣтный залпъ; звуки
марша приближаются).

Гамлетъ. Гораціо, я умираю.
Ядъ сильный духъ мой заглушаетъ.
Изъ Англій вѣстей я не
услышу... Выборъ долженъ пасть
на Фортиnbrаса... завѣщаю
ему свои права... такъ и
скажи... и объясни ему
болѣе или менѣе подробно
происхожденіе событій.—
Объ остальномъ ни слова...

(умираетъ; музыка умолкаетъ; на терассѣ появ-
ляются норвежскія войска).

Гораціо. Вотъ благородный духъ угасъ!
Покойной ночи, милый принцъ!
(Входятъ съ терассы: Фортиnbrасъ со свитою, ан-
глійскіе послы и др.).

Фортиnbrасъ (на терассѣ). Гдѣ это зрѣлище?
(Придворные разступаются; Фортиnbrасъ, за кото-
рымъ слѣдуютъ войска со знаменами и свита,
выходитъ впередъ, осматривается кругомъ и под-
ходитъ къ тѣлу Гамлета).

Гораціо. Что нужно вамъ? чудесь и бѣдствій?
искать не стоить: вотъ они!

Фортиnbrасъ. О, сколько крови пролито!
1-й посолъ. Ужасный видъ. Мы оповдали...
Кто приметъ наше донесеніе
о совершенной смертной казни
надъ Розенкранцемъ... Гильденштерномъ?
кто намъ признательность воздастъ?

Гораціо (указывая на короля).
Не онъ, будь даже онъ въ живыхъ:

онъ не велѣлъ казнить ихъ вовсе.
 Но разъ изъ Польши вы, а вы
 изъ Англіи на зрѣлище
 кровавое сюда явились,
 велите выставить тѣла
 передъ народомъ на помостъ...
 Тогда повѣдаю я міру
 подробности ужасныхъ дѣлъ!
(снимаетъ съ короля корону).

Фортинбрасъ. Пускай вельможи соберутся
 и выслушаютъ доносеніе...
(принимаетъ отъ Горацио корону).
 Что-жъ до меня, то съ горькимъ чувствомъ
 приемлю счастье я свое.
 Мой долгъ воспользоваться правомъ
 стариннымъ на престолъ датчанъ.

Горацио *(указывая на Гамлета).*
 Свои права онъ завѣщалъ вамъ.

Фортинбрасъ *(возлагаетъ на себя корону).*
 Пускай четыре капитана
 на катафалкѣ несутъ Гамлета,
 какъ царственного рыцаря.
(Траурный маршъ; норвежскіе воины покрываютъ трупъ Гамлета знаменами).
 Когда-бы довелось ему
 занять престолъ, онъ несомнѣнно
 властителемъ достойнымъ былъ-бы.
 Пусть воинскія почести
 объ этомъ громко говорятъ!
(уходя, указываетъ на трупы другихъ).
 Убрать тѣла. На бравномъ полѣ
 вѣдь страшень ихъ, а здѣсь тѣмъ болѣ.
(Пушечный залпъ).

ГЕРОЙ ТРАГЕДІИ.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

*Что-бы ни задумалъ Геркулесъ,
 а полкъ глядитъ все будетъ въ лѣсъ!
 «Гамлетъ».*

О «Гамлетъ» существуетъ цѣлая литература. Къ сожалѣнію большинство критиковъ и комментаторовъ безсмертнаго творенія Шекспира, разбирая его по косточкамъ, заваливаютъ читателя такою массою разныхъ соображеній и разсужденій, что разобраться въ нихъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому, имѣя въ виду дать читателю бѣглую характеристику героя трагедіи, мы считаемъ себя рѣшительно неспособными составить краткое резюме различныхъ мнѣній и сужденій объ этомъ типѣ, а постараемся на основаніи именно того, что даетъ намъ въ своемъ произведеніи самъ великій авторъ, сдѣлать кое-какіе выводы и заключенія.

Хотя-же мнѣніе о характерѣ принца Гамлета заключается въ томъ, что Шекспиръ хотѣлъ намъ представить главнымъ образомъ ненормальнаго, слабохарактернаго, нерѣшительнаго человѣка. Въ пользу этого мнѣнія приводятся различныя *болѣе или менѣе* основательныя данныя. Разъ это мнѣніе установилось, никто уже не рѣшается встать на другую точку зрѣнія, а, принявъ его а priori, всякъ старается только подтѣрдить его новыми данными.

Отрѣшимся отъ подобнаго предубѣжденія и постараемся прежде, чѣмъ соглашаться или не соглашаться съ апріористическимъ взглядомъ этимъ, вернуться вспять... допустимъ, что этотъ взглядъ намъ совер-

шенно незнакомъ... будто кромѣ самой трагедіи намъ никакія мнѣнія и сужденія о ней неизвѣстны.

Предположимъ слѣдующее. Дается *новая* пьеса подъ названіемъ «Гамлетъ», сочиненіе Уильяма Шекспира. Мы отправляемся въ театръ, наслаждаемся и восторгаемся ею... Пьеса появилась въ печати... мы приобщаемъ её... читаемъ и изучаемъ её. Не приходимъ-ли мы тогда къ убѣжденію, что Шекспиръ изобразилъ намъ принца Гамлета человѣкомъ выдающагося ума, со всесторонними познаніями и замѣчательнымъ знатокомъ человѣчества? Вспомните его вполне установившіеся взгляды на жизнь, философскія разсужденія, насмѣшки надъ человѣчествомъ, наконецъ, его прекрасныя совѣты актерамъ.

Если такой замѣчательный по уму человѣкъ рѣшается идти наперекоръ общему теченію, если онъ съ перваго знакомства нашего съ нимъ, облекшись въ трауръ, ярко выступаетъ на блестящемъ фонѣ мишурной придворной жизни, то не обозначается-ли сразу уже трагизмъ его положенія? Представьте себѣ принца Гамлета съ невыдающимися умственными способностями, съ неустановившимся характеромъ: развѣ онъ дерзнулъ-бы тогда не помириться со своимъ положеніемъ? Онъ лишился отца, но вѣдь и мать его лишилась горячо любимаго супруга, а она не задумалась, спустя мѣсяцъ, вступить въ новый бракъ съ братомъ послѣдняго. Вѣдь никто изъ окружающихъ, кромѣ развѣ Горацио, не находятъ ничего въ этомъ особеннаго. Гамлетъ остается попрежнему наслѣдникомъ престола: отчего-же ему, какъ человѣку слабохарактерному, въ такомъ случаѣ, не послѣдовать примѣру матери и не помириться съ означенною утратою. Но какъ человѣкъ съ выдающимися умственными способностями и сильнымъ характеромъ, онъ понимаетъ свое настоящее положеніе и не поддается общему теченію, а начинаетъ уже бороться съ нимъ когда еще

не знаетъ о насильственной смерти отца и, несмотря на протесты со стороны матери и дяди-отца, продолжаетъ носить трауръ—внутренно и наружно; онъ до глубины души пораженъ легкомысліемъ своей матери, возмущенъ спѣннымъ бракомъ ея съ близкимъ родственникомъ, къ которому инстинктивно чувствуетъ отвращеніе.

Но вотъ онъ чудеснымъ образомъ узнаетъ объ убійствѣ отца дядею. Какъ онъ тогда поступаетъ? Инстинктивное отвращеніе къ дядѣ и прежнія предчувствія заставляютъ его вѣрить этому сообщенію, но здравый смыслъ одерживаетъ верхъ. Онъ не рѣшается тотчасъ-же приступить къ мести и обывааетъ себя «тряпкой, соей», но потому только, что онъ *самъ себя* представляетъ безхарактернымъ, нерѣшительнымъ человѣкомъ, но въ сущности лишь въ сравненіи съ такими людьми, которые не любятъ разсуждать и не придерживаются пословицы: десять разъ примѣрь, а одинъ разъ отрѣжь. «Кто знаетъ», говорятъ онъ, «можетъ быть лукавый меня смущаетъ на погибель? *улика* мнѣ нужна, въ которой не можетъ быть сомнѣнія!» Вѣдь Лазарть, этотъ образецъ рыцарства, поступаетъ вовсе не такъ, когда узнаетъ о гибели *своего* отца. Онъ, не убѣдившись хорошенько, виновать-ли въ ней король, возмущается противъ него народъ и, врываясь къ нему, прямо обращается съ требованіемъ: «отдай мнѣ моего отца!» Отчего эта громадная разница? Да, просто, оттого, что Лазарть—человѣкъ съ наружнымъ лоскомъ, а головой работать не привыкъ. Вся рѣшительность его заключается въ подчиненіи его страстямъ, а не въ обузданіи ихъ, а потому онъ и поступаетъ, въ противоположность Гамлету, несправедливо. Гамлетъ вовсе не думаетъ мстить королю въ томъ случаѣ, если-бы послѣдній оказался неповиннымъ, а Лазарть не разбавляетъ, виновенъ-ли король или нѣтъ, у него на

умѣ одна только мѣсть. Кто поступаетъ добросовѣстно — сомнѣнія быть не можетъ.

Желая убедиться въ виновности дяди и опасаясь за собственную участь, Гамлетъ принимаетъ свои мѣры. Правда, онъ обижаетъ несчастную Офелію, забываетъ свою любовь къ ней. Но развѣ это можно поставить ему въ вину? Ему ужъ не до любви, а тѣмъ болѣе, когда онъ принужденъ убедиться, что Офелія является игрушкою въ рукахъ его враговъ. Размыгрывая помѣшаннаго, Гамлетъ уже не стѣсняется съ окружающими и высказываетъ имъ горькія истины, которые они не понимаютъ, или не хотятъ понять.

Наконѣцъ Гамлетъ убѣждается въ виновности дяди и рѣшается дѣйствовать, а именно мстить. Представляется тому удобный случай. Онъ застаѣтъ короля молящимся и собирается уже исполнить мѣсть и обижаетъ на него свой мечъ. Но и тутъ здравый разсудокъ не измѣняетъ ему: онъ соображаетъ и убѣждается, что цѣль его, пока тотъ молится, не можетъ быть достигнута, такъ какъ, убивъ его, «пролагающаго путь къ спасенію», онъ оказалъ-бы ему благодѣяніе, почему и отлагаетъ свой замыселъ до болѣе удобнаго случая. Случай этотъ, какъ ему показалось, не заставляетъ себя ждать, и снова рѣшимость не покидаетъ его, и онъ убиваетъ... но, по ошибкѣ, Полонія. Тутъ уже онъ убѣждается, что даже на свои свѣтлыя умственные способности онъ положиться не въ состояніи и становится фаталистомъ, опять-таки на основаніи вполнѣ здравыхъ разсужденій: «судьба хотѣла чрезъ меня его» (Полонія), говорятъ онъ матери, «а чрезъ него меня такъ безопадно покарать, чтобъ впредь я зналъ, что мнѣ должно ея орудіемъ быть послушнымъ».

Въ сценѣ съ матерью онъ проявляетъ не только покорность судьбѣ, но и глубокія религіозныя воз-

рѣнія. Онъ возмущается поступкомъ королевы, обратившей присягу предъ алтаремъ на вѣрность мужу въ зарокъ ничтожный игрока».

Вообще на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, если бы Гамлетъ былъ поставленъ въ болѣе благопріятныя для него обстоятельства, онъ могъ-бы служить намъ образцомъ человѣка съ выдающимися вполнѣ нормальными умственными способностями. Къ сожалѣнію *подобный* нормальный человѣкъ среди всѣхъ насъ, ненормальныхъ людей, считающихъ себя нормальными, долженъ показаться намъ ненормальнымъ. Ставьте такого человѣка въ какое угодно положеніе, но всегда выйдете въ извѣстной степени трагическимъ, а тѣмъ болѣе въ положеніи, въ какое поставилъ его Шекспиръ. — Неудивительно, что и Гамлетъ иногда выходитъ изъ себя и забывается. Какою-бы планою воли онъ ни обладалъ, но у него не желѣзная натура. Недаромъ онъ издѣвается надъ Лаэртомъ, который высокопарными словами выражаетъ желаніе быть живымъ похороненнымъ вмѣстѣ съ Офеліею, на что очень хорошо, что никто не рѣшится это исполнить. Гамлета возмущаетъ «чванство печалью» и въ тоже чванится, желая доказать тѣмъ самымъ существованіе въ этомъ чванствѣ всякаго смысла, но никто, разумеется, его не понимаетъ, и онъ окончательно признается сумасшедшимъ. А между тѣмъ готъ-же сумасшедшій располагаетъ настолько здравымъ разсудкомъ, что самъ затѣмъ жалѣетъ о томъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко, и рѣшается публично извиниться передъ яко-бы обиженнымъ, что и исполняетъ съ рыцарствомъ, достойнымъ дѣянія и восхищенія.

Наступаетъ моментъ мести. Гамлетомъ все извѣщено: онъ предоставилъ себя въ полное распоряженіе удѣбъ. Онъ, несмотря на грустныя предчувствія, е задумываясь, принимаетъ вызовъ Лаэрта. «Безъ

воли Провидѣнія», говорить онъ, «воробью не погибнуть. Что должно вышѣ быть, того потомъ не будетъ; если-же оно потомъ не будетъ, то теперь случится; если-же теперь не случится, то все-же оно будетъ». Король, какъ онъ и ожидалъ, самъ запутался въ собственныхъ сѣтяхъ: Гамлету нѣтъ времени разсуждать, и онъ убиваетъ его наповалъ. Но какъ трагическій герой, и онъ долженъ погибнуть, ибо жизнь наша такъ уже создана, что человѣкъ, какими-бы способностями онъ ни располагалъ, въ борьбѣ противъ общаго теченія неминуемо погибаетъ. Нравственно онъ можетъ быть побѣдителемъ, каковымъ Гамлетъ и остается, но гибель его обозначена уже давнымъ положеніемъ его, подобно тому, какъ въ роковыхъ трагедіяхъ она обозначается предсказаніемъ. И тутъ Гамлетъ не измѣняетъ установившагося характеру своему: онъ умираетъ величественною смертію...

Авторъ перевода.

Замѣченныя неправильности:

Стран.	Строка.	Выѣето:	Слѣдуетъ:
7	9 снизу.	Ты не заставишь мать свою	Ты не заставишь матери
87	10 »	Просите все, чего хотите.	Просите, чего только хотите.